

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

НОВИНКА!

ОДЕРЖИМАЯ

ФАНТАСТИКА-АЛЬТЕРНАТИВА

Марина и Сергей Дяченко

Одержимая

«Автор»

2011

Дяченко М.

Одержимая / М. Дяченко — «Автор», 2011

Она - современная ведьма-авантюристка, ворожит и снимает порчу, но верит только в деньги. Он - демон, вселившийся в нее. Она - одержимая. Она - гончая. Он - жестокий хозяин. Двое ненавидят друг друга и связаны общей миссией. Стоит хоть раз ошибиться, опоздать, просчитаться - и ведьма, и демон отправятся в ад. Но в таком трудном деле ошибка - всего лишь вопрос времени...

© Дяченко М., 2011

© Автор, 2011

Содержание

История первая	5
История вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марина и Сергей Дяченко

Одержимая

Роман в четырех историях

История первая

Демон

– Кто управляет частью, тот управляет всем. Это основной закон магии.

Дымились благовония. Скалился череп на парчовой скатерти. Плотные закрытые шторы и рамы едва пропускали рев шумной улицы. Вот язычок пламени качнулся, поплыл, осветил фотографию: мужчина лет сорока на фоне БМВ. Машина обаятельна, владелец – нет: хамоватая ухмылка на круглом гладком лице, тонкие губы, маленькие глазки.

– Кто управляет образом, тот управляет плотью...

Блеснули в тусклом свете лезвия ножниц. Отделили человеческую фигурку от БМВ, от кустов на заднем плане, от неба, мостовой и тротуара; лишившись машины, человек сделался жалким, и даже хамоватая ухмылка вылиняла.

– Образ переходит в тень, тень рассыпается пеплом... – пальцы с длинными черными ногтями захватили фигурку и поднесла к огню. Голова вспыхнула первой, и ухмылка исчезла. Клиентка, и без того бледная, съежилась и закусила губу.

– Не бойся! – таинственный грозный голос на секунду смягчился. – Ничего ему не делается. Полюбит тебя, и все!

Ведьма опустила горящую бумагу на блюдце, дождалась, пока сгорит полностью, ловко стряхнула пепел в формочку. Накренила свечу, залила сверху горячим воском; остывая, воск мутнел и терял прозрачность. На столе, покрытом церковной парчой, рождалась восковая куколочка.

– И забудет раб Божий Александр всех своих женщин, – голос возвысился, приобретая металлические нотки, – а любить будет только рабу Божью Светлану, и глазами, и сердцем, и телом, и душой...

Клиентка подалась вперед, и сделалось видно, как сильно она хочет быть любимой.

Черный ноготь подцепил фигурку, пальцы не без труда выудили куколочку из формы. Плавился воск; из отдельного комочка ведьма ловко слепила гениталии. Фигурка оказалась слишком мала для такого великолепия, но ни ведьму, ни клиентку это не смутило. Отвалившись раз и другой, деталь довольно-таки косо утвердилась на восковом теле.

– Со здоровьем у него проблемы, – озабоченно сообщила ведьма. – Лечить будешь.

– Буду, – клиентка мелко закивала.

– И что-то печень его мне не нравится, – длинные пальцы повертели фигурку так и эдак. –

А ты!

Клиентка подпрыгнула на стуле.

– Брось курить! – черный ноготь обличающее усталости ей в грудь. – Нельзя тебе курить!

– Брошу, – бледными губами пообещала клиентка.

– А теперь ступай. Буду духа призывать. Без духа не выйдет. Ступай! Деньги оставь у порога!

– А... – тихо вякнула клиентка.

– Двести баксов. Оставишь больше – сбудется скорее.

– С-спасибо... – клиентка соскользнула со стула, как теплое масло с ножа, помялась, решила:

– Так когда мне ждать?

– Он тебе позвонит. Сама не набивайся. Приедет к тебе, в ногах валяться будет.

Застрав между надеждой и сомнением, тетка никак не могла уйти; стол, покрытый церковной парчой, вдруг мелко затрясся, будто крышка на кипящей кастрюле. Клиентка попятилась.

– Вижу!

Трясущаяся рука выпустила длинный палец с черным ногтем, ноготь указал в угол – в полумрак:

– Вижу! Вот он!

Клиентка метнулась к выходу. Через долю секунды от нее остался едва уловимый запах – нервного пота и недорогого дезодоранта, столь мощного, что его не смог до конца убить даже дух курящихся благовоний. Стол еще некоторое время дрожал, зловеще и жутко, потом ведьма Ирина перестала его трясти. Хлопнула входная дверь; ведьма потянулась, так что съехали к локтям рукава широкой белой хламиды. Стянула с головы платок, задула свечу. Отдернула штору, впуская в комнату свет, распахнула форточку; вернувшись к столу, выдвинула из-под парчи ведро и стряхнула вниз обрезки фотографии, мелкий мусор и восковую куколку с огромным членом.

* * *

В том же подъезде оборудовала себе офис полная женщина-нотариус, работала много и зарабатывала, кажется, неплохо. И сестра у нее была частный нотариус, и дочь нотариус; у Ирины не было сестер, зато ее бабушку на полном серьезе считали ведьмой.

На коврик перед дверью лежали две стодолларовые купюры, вестники удачи. Ирина придирчиво оглядела каждую, понюхала – деньги были правильные, да к тому же новые. Если бы толковый парфюмер догадался бы выпустить духи с запахом денег, Ирина сделалась бы первой его поклонницей. Вот если бы таких сотенных – да целый чемодан, как в кино!

Посреди кухни восседала за ноутбуком Вика, секретарь и уборщица, бухгалтер и начальник отдела кадров в одном лице. Щуплая и всегда немного удивленная, Вика походила на ящерицу-монахиню (монашеский облик придавала ей черная хламида и черный рабочий платочек до самых бровей). Разложив по столу черные широкие рукава, Вика стучала по клавишам, но не зависала «В контакте», как можно было представить, а как раз работала. Открыв «Великий сайт Ведьмы Ирины», она строчила послание на форум – благодарственное послание, исповедь спасенной клиентки.

Щелчок мыши – сообщение ушло на сайт; Вика приняла у Ирины деньги, записала двести баксов в крошечный приходо-расходный блокнот, потом раскрыла органайзер:

– Будет еще одна через полчаса. Сегодня хороший день.

Ирина кивнула и вытащила пачку сигарет. Вика оставила пост перед компьютером и ушла в комнату; отработанными движениями, как боец, привычно разбирающий и собирающий винтовку, переменяла свечу в подсвечнике, вытряхнула скатерть, протерла тряпкой череп на столе, поменяла на блюдах кофейного цвета пирамидки.

– Благовония ты на этот раз купила паленые, – крикнула из кухни Ирина. – В горле дерет.

– Курить надо меньше, – отозвалась Вика сварливо, но беззлобно.

Ирина хмыкнула и затянулась.

О ведьминской сущности своей бабушки она впервые узнала из расстроенных монологов мамы на кухне: «Ведьма, а не свекровь! На меня порчу наводит, чтобы я на работу устроиться не могла, чтобы от тебя, козла, финансово зависела!» Отец молчал – он вообще был неразговорчив, много пил и к сорока годам получил инвалидность. Повзрослев, Ира перестала мечтать об избушке на курьих ножках, где обитает ее могучая бабушка: слово «ведьма» в мамином

исполнении означало то же, что и «сука», «холера» и другие специальные слова, которые Ира с удовольствием повторяла в школе.

С первого же класса ее стали звать ведьмой – может, за острый небрегливый язычок. А может, потому, что она обо всем всегда знала больше всех.

Нет, на уроках это никак не проявлялось. Она понятия не имела, что такое третий закон Ньютона и как устроена химическая промышленность. Зато она знала, кто с кем встречается и как далеко зашли отношения, что надо сказать самой строгой училке, чтобы та растаяла и поставила «три», кто в чем виноват и кто чего боится; к одиннадцатому классу ее сторонились уже без смеха, и не раз и не два за спиной перешептывались: «Ведьма!»

Выпуская дым в форточку, Ирина ухмыльнулась. Бабушка, которую она видела редко и помнила смутно, не походила на бабу-Ягу, наоборот – была кругленькая, мягкая, опрятная и не злая. Правда, похороны у нее были жутковатые: Ира запомнила множество хмурых людей, занавешенные окна и зеркала, дождь и чью-то истерику; она запомнила круглые глаза бабушкиной соседки, когда та пересказывала шепотом ужасные подробности: «Крышу пришлось разбирать... Потому что ведьма она, ведьма».

Позже, пройдя через медицинское училище, бухгалтерские курсы, замужество, испытательный срок в турбюро, курсы фэн-шуя, еще одно замужество и финансовый крах, Ира четко уяснила себе: ведьма – это даже не призвание. Это профессия, и профессия востребованная; все хотят замуж за миллионера или, на худой конец, за хамоватого владельца БМВ, все хотят любви и денег, чужих мужей, денег, здоровья и счастья, денег, принца на белом коне, денег...

Прозвенел дверной звонок, и ведьма с сожалением затушила сигарету.

* * *

Девушке было лет двадцать с небольшим. Миловидная. Пухлая. Минус три кило, и было бы самое то, подумала, щурясь, Ира. А так у тебя проблемы, девонька. Речь, конечно же, пойдет о мужике.

– Здравствуй, милая. Садись. С чем пришла?

Новая клиентка опустила на краешек стула. Что-то в ее лице, в манере отводить глаза вдруг смутило Ирину: девушка принесла с собой тайну.

– Выкладывай, – Ира масляно улыбнулась. – Помогу.

Подтянув повыше сумочку, удерживая ее на весу одной рукой, девушка открыла застёжку и вытащила заготовленную заранее фотографию. Двое улыбались в камеру: вот эта самая девушка и мужчина. На коленях у девушки собака, и не комнатная прелесть, как нынче принято, а помесь лайки с дворнягой, довольно-таки крупный пес. Балованный, ишь ты: на коленях сидит... А мужчина непростой. Красивый. Тоже балованный, да почище пса. Рук не видно, кольца не видать, но, судя по позе – голубки расписаны в ЗАГСе или даже обвенчаны, во всяком случае, девушка считает этого красавца своим...

Ирина перевела взгляд с фотографии на гостью: девушка сидела, зачем-то прижимая сумку к груди.

– Твой бывший? – ведьма пронизательно кивнула на фото.

Девушка быстро посмотрела ей в глаза. Потом выпрямилась, чуть расслабилась, большим и указательным пальцами левой нащупала след от обручального кольца на правой.

Вот как, подумала Ира заинтересованно. В ведьм мы не верим. Вдруг слышим о себе правду... теряемся... и с облегчением понимаем, что у нас же есть след от кольца – улика, и ведьмины чары представляются нам все той же классической дедукцией...

Азарт забрезжил, как рассвет над рекой. Ирина чуть приподняла уголки губ; держись, малышка. Сейчас тебя будут потрошить.

– Зачем пришла? – одним поворотом руля она сменила маслянистый тон на прокурорский, жестокий. Девушка вздрогнула. Правая рука ее снова легла на сумку. Ирина прищурилась.

– За советом, – пролепетала девушка.

– Врешь! Что у тебя в сумке?

Клиентка на секунду растерялась. В сумке у нее нечто важное... не бомба же? Тогда что?

– Диктофон? – Иру посетило вдохновение. По выражению лица девушки поняла, что попала в точку, и не на шутку рассвирепела: – Подставить меня хочешь?!

Девушка замотала головой. Смятение, смущение, упрямство и страх сменялись на ее лице, словно полотнища на автоматическом рекламном щите.

– А ну выкладывай, или я тебя так прокляну, что смерти захочешь!

Девушка сдалась. Вытащила из сумки цифровой диктофон. Отключила. Положила на стол.

Подняла на Иру упрямые серые глаза:

– Я просто хотела взять интервью. Подготовить материал. Для журнала.

– На кого работаешь? – Ирина готова была дышать пламенем.

– Ни на кого... Я журналистка. Фриланс. Заказные статьи... Да все, что придется.

– Знаю, как вы пишете. Вранье вы пишете, журналисты. Убирайся!

Девушка покорно встала. Взяла со стола диктофон. Борясь с желанием втянуть голову в плечи, подхватила за уголок фотографию.

– Стой, – вырвалось у Ирины почти против воли. Девушка застыла – как будто они с ведьмой играли в игру «Замри». Ведьма не отрывала глаз от фотографии; двое улыбались. Собака лучилась счастьем. Собака была проста, мужчина – нет.

– А мужика этого тебе не вернуть, – сообщила Ирина, мстительно глядя девушке в глаза. – Другая женщина между вами.

Девушка мигнула:

– Ничего вы не знаете, – в голосе прозвучало облегчение и даже, пожалуй, тень насмешки проявилась. – Ни-че-го.

И, неся свою победу, как развернутое знамя, мерзавка развернулась и шагнула к двери. Ирина давно смирилась с возможностью провала (при нашей-то работе всякое бывает), но такого откровенного унижения пережить не могла.

– Что же, это его мать?

Она бросила слово в спину, как мячик, и, даже не видя лица, моментально угадала: есть.

Ну, теперь попрыгаешь, маленькая дрянь.

– Его мать... свекровь тебя... мучает!

Девушка не выдержала и обернулась. По ее глазам Ирина поняла, что теряет инициативу, и набрала в грудь побольше воздуха:

– Она... погоди, она... умерла?

Зрачки девчонки расширились, и фотография полетела на пол. Таких точных выстрелов за всю карьеру Ирины было три или четыре – и каждый приносил неизъяснимое удовольствие.

– Умерла! – Ирина взревела, как целая толпа плантаторов за миг до линчевания беглого раба. – А в покое-то тебя не оставила!

В яблочко. Напугалась-то как, овца! Чувство власти было легче воздуха, и распираемая изнутри ведьма готова была, кажется, взлететь.

– Вижу! – палец с длинным черным ногтем указал клиентке за плечо. – Да вот она!

Девушка боролась долгое мгновение – а потом поддалась и обернулась. Несколько секунд рассматривала комнату, диплом с печатью на стене, пучки трав, подвешенные на нитку, лягушачий скелет, белую коробку кондиционера...

– Не видишь? А я вижу! – голос ведьмы звучал набатом. – Я вижу духов! Я вижу демонов!

Вика, выжидавшая на кухне, уважительно покачала головой на этот вопль.

– Вижу! Ходит свекровь за тобой, как пришитая, отпугивает твое счастье! А что ты ей сделала, признавайся?

Серые глаза девушки потемнели на фоне молочно-белого лица. И снова в яблочко; отлично. Негодяйке долго будет помниться ее «интервью».

– Виновата? Признавайся – виновата?!

Незадачливая репортерша рванула прочь из комнаты. Ирина хотела крикнуть ей в спину – «Ату», но вместо этого взревела медью:

– Так и будет ходить за тобой! Не подпустит к тебе счастье, так и знай!

Хлопнула входная дверь. Почти сразу заглянула Вика:

– Слушай, чего это она? Как ошпаренная... Не заплатила!

– Психованная, – Ира стянула с головы платок. – Да еще журналистка...

Несколько минут она сидела, переводя дыхание, слушая, как успокаивается сердце. И такое бывает в нашей практике: мы блестяще работали, мы познали вдохновение; с другой стороны, клиент, который ушел, не заплатив – профессиональный прокол. Неприятно.

– Устала? – Вика поставила чашку на стол – прямо поверх церковной парчи.

– Викуль, – сказал Ира. – Позвони, пожалуйста, Лехе из турагентства, пусть присмотрит для меня отель в Хургаде... или лучше в Шарме, деньков на десять.

Грянул дверной звонок.

– А это кто? – насторожилась Ирина. – До четырех еще...

– Это пиццу привезли, – Вика ухмыльнулась. – Пошли обедать.

* * *

Они ели пиццу с грибами, пили апельсиновый сок на кухне и говорили о ценах, о Викиной взрослеющей дочери, которой пора думать о будущем, а ее отец, скотина такая, уже три года носа не кажет и не отвечает на звонки. Вика, как обычно, пригорюнилась оттого, что трудно одной поднимать девочку, а потом приободрилась, потому что она, баба без высшего образования и в общем без профессии, справляется, тянет и поднимает. Потом Вика позвонила в турфирму и заказала для Ирины гостиницу пять звезд в Шарм-эль-Шейхе.

В это время столик под церковной парчой, где так и осталась стоять чашка с недопитым чаем, вдруг начал трястись, как в вагоне. Дверь в комнату была прикрыта, ноутбук играл ретро-композицию «Дискотека восьмидесятых»; только когда чашка соскользнула со стола и с грохотом рассыпалась осколками, Ирина и Вика почували неладное.

На темном паркетном полу растеклась лужица, похожая на звезду. Белые осколки с золотой полосой разлетелись по всей комнате.

– Сквозняком скинуло? – предположила Вика.

– Вроде не было никакого сквозняка...

Приоткрытая форточка цедила дневной воздух. Запах благовоний ослабел; ни лягушачий скелет, ни диплом на стене, ни череп, ни сушеные травы не пострадали.

– Порывистый ветер, – сказала Вика, возвращаясь из кухни со щеткой в одной руке и шваброй в другой. – Сегодня в прогнозе...

– Чашки жалко, – сказала Ира. – Удобная была.

* * *

Ей случалось встречаться с недовольными родственниками клиенток, с женами отбитых мужей и невестами украденных женихов. Бывали скандалы, иногда мордобития, но такие инциденты проходили по части неприятностей, а не серьезных проблем.

Несколько раз в ее практике запах жареного появлялся совсем близко, густой и едкий. Ей случалось удирать по темным улицам от гопников, нанятых, чтобы ее избить, приходилось менять офис и срочно съезжать со съемной квартиры. Ей удавалось решать проблемы с милицией, бандитами, налоговиками; всякий раз она ясно понимала, откуда исходит опасность и что надо делать, чтобы избежать ее.

Почему-то разбитая чашка, предмет простой и неважный, заставил ее снова ощутить запах жареного. Еле слышный. Но – самое плохое – она не могла понять, откуда грозит опасность.

Начинала болеть голова.

Ровно в четыре явилась следующая клиентка – провинциалка лет пятидесяти, с виду простоватая, но хваткая и умная. Дочь у нее жила в Америке и никак не могла выйти замуж – хотя и в мужиках, казалось бы, недостатка не было.

– Вот, погляди! – женщина с порога стала обращаться к Ире на «ты», изначально уравнивая их позиции. – И фигурой Бог не обидел, и лицом, работа денежная, и вечно вокруг то один, то другой вертится. А замуж – все время срывается! Этот, последний, уже и кольцо купил. А потом слинял, будто смыло его... Это не венец безбрачия, случайно?

– Он, – Ирина внимательно разглядывала фото девушки. – Венец. Так и есть, – она скорбно покивала. – Кто наложил, есть подозрения?

– Нету, – женщина беспомощно развела руками. – Она... ни с кем не ссорилась, чтобы уж так...

– Она крещенная?

– Конечно!

– Эх, жалко, что в Америке, здесь бы я ей в два счета сняла... – Ирина задумалась, возведя глаза к потолку, отметив машинально, что побелка потемнела и скоро потребует ремонта. – Значит, так. Пойди в церковь, возьми три свечи...

Стол вздрогнул под руками. Покачнулся череп. Дернулся язычок свечи. Форточку неплотно заперла, обреченно подумала Ира. Сейчас распахнется, да как дунет...

Она потрясла головой. В ушах гудело, и гул нарастал; Ира с беспокойством коснулась ушей кончиками пальцев.

Давление? Перемена погоды?

– Что это? – спросила она, хмурясь. – Слышишь?

– Нет, – с внезапной робостью отозвалась клиентка. – А что?

– Гудит...

Землетрясение? Вот еще...

ИРА ИРА ИРА ИРА ИРА

Ведьма подпрыгнула на стуле и сильнее потерла уши:

– И сейчас не слыши... те?

Клиентка смотрела с недоумением. Тем временем низкий чужой голос повторял и повторял имя ведьмы, и тонкий звук «и» звучал в его исполнении басовитым ревом.

Стол трясся, и череп неудержимо ехал к его краю. Огонек свечи запрыгал и погас. Ирина вскочила, опрокинув стул; длинная боль прошла вдоль позвоночника, растеклась по рукам и ногам. Никогда в жизни она не знала таких судорог, никогда ее так не корчило.

ИРА! ИРА!

– Нет! – завопила она, в панике позабыв, что должна иметь власть над демонами. – Изыди! Нет! Мамочки! Помогите!

Никто не помог. Ирина рухнула на пол, ухватилась за край скатерти, будто пытаясь за него удержаться. Мимо лица пробежали пыльные сапожки на сбитых каблуках, хлопнула дверь, и клиентки след простыл; Ира корчилась, стуча пятками по паркету, правая туфля слетела с ноги. Череп свалился с края стола, стукнул по лбу и упрыгал в темный угол.

– Помо...

И все закончилось внезапно. Стих гул. Прекратились судороги. Распахнулась дверь, заглянула Вика:

– Чего она... Что с тобой?!

Ирина села. Руки тряслись. Спину заливал пот, губы показались чужими, когда Ира с усилием растянула их к ушам:

– Посмотри... у меня улыбка не кривая?

– Это что, улыбка?!

– Это тест на инсульт, – простонала Ира. – А руки...

С трудом поднявшись, она вытянула руки перед собой. Ладони подрагивали. Ведьма закрыла глаза и дотянулась пальцем до кончика носа.

– Что с тобой? – Вика помогла ей подняться, усадила на стул. – Она тебя что, по голове стукнула?

– Нет, – Ира потерла лоб. – Это череп...

– Что у тебя с черепом?

– Не у меня! Это череп со стола упал...

Она глубоко вздохнула. И еще раз. И еще.

– Попустило, – сказала наконец. – Такой, знаешь, приступ... Завари мне чая, хорошо?

Вика испытующе ее оглядела. Оттянула веко. Потрогала лоб. Вышла; Ирина открыла форточку, прошла по комнате, с удовольствием замечая, что головокружение прошло, что в ушах не звенит, что руки трясутся все меньше. Подобрала слетевшую туфлю; потом открыла шкаф, замаскированный черной тканью, вытащила сумку, из сумки косметичку, раскрыла пудреницу...

Сперва она увидела красную шишку у себя на лбу, бледное лицо, съехавшую косынку; потом, краем глаза, она увидела в углу комнаты, у самой двери, нечто такое, отчего волосы под косыночкой встали дыбом.

– А-а!

Пудреница со звоном грянулась об пол. Разлетелись осколки пудры, пополам треснуло зеркальце. Ирина в ужасе огляделась; того, что померещилось ей в отражении, в комнате не было и быть не могло. Это глюки, это морок, это...

Сумка соскользнула с края стола. Выкатился зонтик, вывалился блокнот, запрыгала по паркету ручка. Ирины руки, сами по себе, вытянулись вперед и тут же судорожно прижались к груди; она попыталась закричать и поняла, что онемела, что язык провалился, что в горле – бездонная воронка.

Ее руки, будто чужие, будто на тростях, будто по принуждению потянулись к ручке. Она, правша, схватила ручку левой рукой и поползла, как нищая, как калека, на коленях поползла через комнату – к открывшемуся на чистой странице блокноту...

«Ира ты попала»

Лезущими из орбит глазами она смотрела, как ее левая рука выводит неровную строчку из трех повторяющихся слов: «Ира ты попала Ира ты попала».

Правой рукой она перехватила левую. Рывком оторвала от бумаги, затрясла, надеясь вытряхнуть ручку; тщетно. Сведенная судорогой, корявая, как птичья лапа, левая рука желала писать, и левая рука победила.

«Слушай меня дрянь подчиняйся или будет хуже».

Вошла Вика – и отшатнулась в ужасе.

– Скорую! – сумела выдавить Ира. – Ско...

И закашлялась.

* * *

«Скорая» приехала на удивление быстро – видимо, Вика по телефону красноречиво описала состояние больной. Машина остановилась перед подъездом с двумя вывесками: направо – «Нотариус Попова А. Н.». Налево – «Ведьма и целительница Ирина».

Врач, серьезный мужчина лет сорока, был исключительно неприветлив. Ирнин диплом ведьмы, череп, бережно водруженный обратно на стол, и прочие атрибуты профессии раздражали его невероятно. Выслушав сбивчивый рассказ Ирины, он сквозь зубы велел сестре измерить давление, не стал слушать лепета пациентки о том, что она гипотоник, и велел обратиться к специалисту:

– К неврологу. Или психиатру. Это у вас, похоже, профессиональное!

Ирина, измученная и чуть живая, не слышала диалога врача и пожилой сестры в отъезжающей от подъезда машины:

– Что ты так на нее окрысился?

– У меня теща лечится у такой же ведьмы от рака желудка. Уже пять лет. Хорошо, что у нее нет рака, а если бы был?!

* * *

В последний раз она была в церкви полгода назад – женился троюродный племянник, и его мамаша пригласила на венчание всех родственников, по списку. Свадьба была из тех, которым места мало; во всяком случае, в церкви толпились, как в автобусе.

Сегодня людей почти не было. В полумраке горели свечи.

Она вошла и остановилась на пороге; подумав, перекрестилась. Прислушалась к себе; ничего.

Осмелев, подошла ближе к алтарю. Перекрестилась снова. Купила десять восковых свечей, самых тонких, и расставила перед иконами, всякий раз истово крестясь и глубоко вдыхая запах ладана.

Ничего не происходило.

Если бы это был... бес, размышляла она с опаской, или... демон, он бы мне в храм не позволил бы даже войти. Меня начало бы снова корчить, мучить... А я в храме, крещусь, ставлю свечи, и никаких припадков!

Мне надо к неврологу, а не к бабюшке. Какие бесы? Какие демоны?! Это профессиональное, доктор прав, но в не в том смысле, что я ведьма, в том, что я сама себя случайно загипнотизировала. Завтра же запишусь на прием... А как с Египтом? Лететь, нет? С одной стороны, отдых мне нужен...

Она еще раз механически перекрестилась на икону.

...Отдых нужен, но что, если меня прихватит в самолете?! Нет, надо сначала поставить диагноз, получить лечение...

Она воткнула горящую свечку в металлический держатель. Перекрестилась три раза. Вздохнула с облегчением.

Вышла на свежий воздух, непрерывно крестясь и улыбаясь. Щедро раздала милостыню. Старушки глядели на нее, как на святую.

* * *

Она жила одна, квартиру снимала, готовила редко. А сегодня аппетит и вовсе пропал; Ирина вытащила из холодильника замороженную стопку сырников, поглядела на нее, спрятала обратно. Достала пачку кефира, заварила чай и улеглась перед телевизором.

Сперва увлеклась сериалом. А потом потихоньку стала засыпать.

Слипались глаза. Надо было встать, умыться, переодеться, намазать лицо кремом, расстелить постель; она лежала, понимая, что не встанет сейчас. Наконец-то отпустила нервная дрожь, наконец-то хорошо, так спокойно... Вот только что-то дребезжит в телевизоре...

Не просыпаясь, она дотянулась до пульта. Нажала на красную кнопку; перестали бормотать дикторы новостей. Но дребезжание продолжалось; Ирина не сразу поняла, что дребезжат тарелки на кухне.

Она приподнялась на локте.

Бом, сказали антикварные часы с боем. Бом, бом, бом; неужели уже двенадцать?!

На кухне звонко разбился фарфор.

Первым делом она перекрестилась. И еще раз; встала, сунула ноги в тапочки... Включила верхний свет в комнате, потом в прихожей, потом в кухне.

Потом, затаив дыхание, заглянула внутрь. Весь пол кухни был усыпан осколками. Плотно задернутые шторы матово поблескивали. На полке тикали часы и тоже показывали двенадцать.

Медленно ступая, прислушиваясь к тишине, Ирина прошла в ванную. Сперва включила свет; потом рывком открыла дверь. Никого; Ирина вошла и остановилась перед зеркалом.

И почти сразу увидела его.

Обернулась; его не было. Снова посмотрела в зеркало; он шагнул из глубины:

– Я предупреждал, что будет хуже?

Там, в зеркале, в зазеркалье, этот незнакомый и страшный человек взял за голову отражение Ирины – и она почувствовала, как чужие руки впиваются ей в волосы. Он сильно, грубо толкнул ее, ударил лбом о зеркало; посыпались осколки, полилась кровь, но зеркало, рассыпавшись, перестало отражать ванную, и исчез зазеркальный демон.

Капая кровью, она бросилась прочь из ванной. Кинулась к входной двери – но замок заклинило; она сорвала телефонную трубку – но трубка молчала. Она схватила мобильник – тот вырвался из рук, будто живой, упал на пол и развалился. Улетел под диван аккумулятор.

Замигал торшер – будто ветром раскачивало далекие провода. Включился и выключился телевизор. Ирина бросилась к окну, распахнула – восьмой этаж...

За спиной, в комнате, антикварные часы начали бить невпопад.

* * *

К семи утра порез на ее лбу давно затянулся.

Она сидела, скрючившись, перед журнальным столом, и перед ней, и на полу, и по всей комнате валялись листы бумаги: страницы блокнота, чеки из магазина, рекламные проспекты, салфетки, – весь бумажный мусор, который только был в квартире, пошел теперь в дело. Ирина сидела и писала, не останавливаясь, левой рукой: *«Делай, как я скажу»*. *«Слушай меня не пытайся сопротивляться»*. *«Ты шарлатанка обманщица дрянь»*.

В ручке закончилась паста. Ирина писала без пасты, выдавливая на глянцевой рекламной открытке, поперек девушки на серфере, поперек парня на скейтборде: *«Только попробуй выгнуть кому-то»*. *«Только попробуй кому-то сказать»*.

А он сидел в кресле напротив, и уже не нужно было зеркала, чтобы его видеть. Худощавый, желчный, в сером костюме с галстуком, безжалостный, как тесак.

За окнами светало. Часы пробили семь; когда Ирина окончательно уверилась, что умерла и попала в ад, он впервые за много часов заговорил:

– Доступно, сволочь? Все поняла?

Ирина часто задышала:

– Поняла... По...жалуйста, отпустите... меня... я все поняла...

Она с новым ужасом поняла, что не может даже разрыдаться.

– Я больше не буду! – вырвалось у нее, откуда-то из детских еще, из давних страшных воспоминаний.

– Чего ты не будешь? – спросил палач в сером костюме.

– Ничего! – она попыталась перекреститься, но не смогла. – Я буду асфальт класть. Я буду шпалы носить. Я буду всегда пост соблюдать... Я...

В отчаянии она готова была пообещать, что уйдет в монастырь, но демон в сером уронил, будто сплюнул:

– Заткнись.

И она замолчала, будто ей в самом деле заткнули рот.

– Ты будешь делать, что я скажу, с первого раза и моментально, – сказал сидящий в кресле. – Да или нет?

– Да, – простонала Ира.

Ручка вывалилась наконец-то из ее левой руки. Рука повисла, будто перебитая обухом.

– Приведи себя в порядок, – брезгливо сказал демон в сером. – Лицо напудри и заклей пластырем. Оденься. На все тебе полчаса, и попробуй опоздать хоть на секунду.

* * *

В семь сорок пять она была готова. Тональный крем, макияж, аккуратный пластырь на месте пореза; полностью одетая и причесанная, она стояла посреди комнаты, в ужасе глядя на пустое кресло.

Медленно ползла минутная стрелка. За окном продолжалось утро: торопились дети в школу, разъезжались ночевавшие у подъезда машины. Пенсионеры выходили гулять с собачками, мамы – с маленькими детьми; часы пробили восемь. Кресло пустовало, в комнате было тихо и спокойно.

Она ждала.

Потом, не выдержав, вытащила из сумки новую пудреницу, купленную вчера вместо разбитой. Поднесла зеркальце к глазам; оглядела отражение комнаты. Но отраженная комната тоже была пуста. Исписанные бумажки, разлетевшиеся по углам, придавали ей дикий вид.

Ирина подняла с пола свой мобильник. Нащупала под диваном отлетевший аккумулятор; каждую секунду она замирала, прислушивалась и оглядывалась, но ничего не происходило. Под окнами курлыкала сигнализация, и привычный звук гнал злые тени надежнее, чем петушиный крик.

Сжимая в руках разобранный телефон, Ирина вышла в прихожую. Тут тоже было зеркало, и никто, кроме Ирины, не отражался в нем.

Обмирая, она взялась за ручку двери. И дверь открылась!

Задержав дыхание, Ирина скользнула наружу. Захлопнула дверь; опрометью, как сумасшедшая, кинулась вон из дома.

Соседи оборачивались на нее, когда она, задыхаясь и ни с кем не здороваясь, неслась через двор, не разбирая газонов и луж. Едва добрав до дороги, она удачно тормознула машину; плюхнулась на потертое сидение, хлопнула дверцей:

– Поехали!

– Куда? – удивился водитель, чернявый мужчина лет тридцати.

– Поехали, потом скажу!

Машина влилась в поток транспорта. Ирина несколько минут сидела, закусив губу, прислушиваясь; потом трясущимися руками собрала телефон: вложила аккумулятор, защелкнула крышку.

– Вика?

Сонное «привет», прозвучавшее на том конце связи, показалось Ирине сладким, как ангельское пение.

– Викуся! Зайди в Интернет скорее... посмотри... мне нужна консультация психиатра! Срочно!

Водитель вытаращил глаза. Посмотрел на Ирину – и сразу опять на дорогу; чуть не врезался в проезжавшую мимо крутую тачку.

– Лучше знакомого доктора, – бормотала Ирина, а если знакомого нет, то любого... Нет, не булимия! Не депрессия! Дай мне номер, я сама все объясню!

Вика, человек собранный и четкий, через тридцать секунд продиктовала телефонный номер. Ирина набрала его, промахиваясь мимо клавиш; ответил мужской голос, низкий, уверенный и спокойной.

– Мне срочно нужна помощь, – торопливо начала Ирина. – У меня... бред, видения. Я сама себя калечу, и...

В широком водительском зеркале отражался пассажир на заднем сидении. Мрачный, желчный, в сером костюме; Ирина замерла с открытым ртом, прижимая к уху телефон.

Тот, кто сидел сзади, смотрел в зеркало – ей в глаза.

– Ты его видишь? – спросила Ирина водителя.

Тот дико покосился на нее и чуть не врезался в самосвал.

– Алло? – настаивала трубка. – Вы меня слышите? Алло?

– Останови! – выкрикнула Ирина.

Водитель метнулся к обочине, будто только того и ждал; Ирина вывалилась из машины. Дверца хлопнула один раз – второго хлопка не было, но тот, в сером костюме, уже стоял рядом, молчаливый и строгий.

Ирина глянула на него – и тут же, не размахиваясь, сильно ударила себя правой рукой по лицу: неожиданно для себя. И очень больно.

* * *

В десять утра Ирина вошла в подъезд с двумя вывесками: «Нотариус Попова» и «Ведьма и целительница Ирина».

Вика открыла ей дверь и попятилась:

– Что с тобой?

Ирина в последний час не смотрелась в зеркало, но догадывалась, что на лице – синяк.

– Ты дозвонилась психиатру?!

– Уже не надо, – глухо отозвалась Ирина. – Все прошло. Я здорова.

– Здорова?!

Вика заставила ее развернуться к свету:

– Кто это тебя?!

– Споткнулась, – сказал визитер в сером костюме. Он вошел вслед за Ириной, но Вика его не увидела.

– Споткнулась я, блин, – процедила Ирина. – И сама себя кулаком... об столб... случайно.

Вика вытаращила глаза. Поднесла палец к пластырю на лбу Ирины:

– А это?

– Третий глаз, – насмешливо сказал демон за ее спиной. Вика не обернулась.

– Третий глаз, – выдавила Ирина. – Викуль, отстань, пожалуйста.

Вика ответила внимательным взглядом:

– Кому звонить?

Ирина поглядела ей за плечо; демон ухмылялся.

– Никому, – сказала еле слышно. – Все хорошо.

Она машинально вытащила из сумки пачку сигарет; в ту же секунду картонка сделалась горячей, как уголь, и Ирина, вскрикнув от боли, выронила пачку.

– Курить бросаешь, – сообщил демон.

– Курить бросаю, – сквозь слезы повторила Ирина.

Отодвинула ногой пачку. Посмотрела на бледную Вику:

– На сегодня отменяй всех. И будь свободна. Сегодня не работаем.

– Хорошо, – Вика нахмурилась. Оглядываясь на Ирину, прошла к столу, закрыла ноутбук...

– Ноут пусть оставит, – сказал демон.

– Ноут оставь.

– Ладно, – Вика помолчала. – Ир, там фотографию я в комнате нашла. Кто-то из вчерашних выронил.

Еще бы, подумала Ирина. Вчера клиентки тут летали, как на крыльях: туда-сюда, только двери хлопали.

– Я выбрасывать пока не стала, – продолжала Вика, разглядывая Иринин лоб. – Вот.

Фотография лежала под ноутбуком: девушка и мужчина улыбаются в камеру, на коленях у девушки – собака.

– Ее телефон, – демон вдруг резко шагнул вперед, чуть не налетев на Вику. – Узнай ее телефон!

– Ее телефон, – как автомат, повторила Ирина.

– Чей?

Ирина боялась смотреть на демона.

– Ее, – предположила еле слышно. – Этой... девицы.

Испытующе поглядывая на Ирину, Вика выписала из своего блокнота телефон – на бумажку-стикер.

– Позвонишь, отдашь фотку? – рискнула все-таки спросить.

Ирина потрясла головой:

– Все, Вик, ты извини... Спасибо, короче. Иди.

– А завтра когда? – Вика склонила голову к плечу.

– Я позвоню, – выдавила Ирина.

За Викой наконец-то закрылась дверь; Ирина стояла одна посреди кухни квартиры-офиса, не в силах сделать и шага.

– Запри, – сказал демон.

Ирина покорно прошла в прихожую. Когда она вернулась, демон совершал экскурсию по рабочей комнате – со столом, покрытым парчой, с черепом, с незажженной пока новой свечкой.

– Стильненько, – сказал сквозь зубы.

Ирина стояла, покачиваясь. Шок, страх и бессонная ночь мутной пеленой стояли между ней и миром.

– Покажи фотографию.

Ирина, как сомнамбула, пошла на кухню, взяла фотографию в руки, отворачиваясь, протянула демону.

– Садись за компьютер, – сказал он отрывисто. – По номеру мобильного узнай, кто такая, имя, фамилию, все.

Ирина сперва села за ноутбук, и только потом рискнула возразить:

– А если... не на нее зарегистрирован номер? И вообще, нет такой услуги?!
– Такая услуга есть, – все так же отрывисто бросил демон. – Платная, разумеется. И не для всех. Но ты постарайся, ведьма... если хочешь жить.

* * *

Она родилась под счастливой звездой.

В пять лет тонула, но спасли, в девять ее сбила машина, но обошлось одной только сломанной рукой и легким сотрясением мозга. В юности ее дважды ловили гопники в темном переулке, и оба раза удавалось ускользнуть невредимой – среди ночи, под хмельком, в короткой юбчонке. Ирина умела выживать инстинктивно; может быть, поэтому после часа суетливых беспорядочных действий ей все-таки удалось узнать, что девушку с диктофоном зовут, скорее всего, Екатерина Катасонова.

– Ищи на «Одноклассниках», «В контакте», везде, – велел демон.

Он не исчезал ни на секунду. Он был рядом. Он нависал над головой, и это лишало ведьму способности здраво рассуждать; к счастью, почти сразу, на «Одноклассниках», Екатерина нашлась – причем первая же фотография оказалась знакомой: все то же фото с мужиком и собакой.

– Они разошлись, но фото с сайта она не сняла, – сказал демон, и по его голосу можно было бы подумать, что он размышляет.

– Скажи, – Ирина так устала, что и страх притупился. – Если ты потустороннее существо, ты должен все видеть и так? Зачем тебе Интернет? Если ты демон – пойдешь в астрал...

– Заткнись, – уронил ее собеседник, и ее губы склеились. – Что я знаю, а чего не знаю... не твоего ума дело, ведьма.

Он помолчал и вдруг добавил, тяжело и веско:

– Но я точно знаю, что сегодня ночью она прыгнет с крыши.

– Что? – прошелестела Ирина.

– Прыгнет с крыши! Покончит с собой!

– Э-э-э, – Ирина мигнула. – А почему?

– Не знаю, – отрезал демон. – Знаю, что это случится сегодня ровно в полночь.

– Я ничего ей не делала, – Ирину снова начало трясти. – Я не виновата.

– Животное ты, – сказал демон, и под его взглядом она съежилась. – Тебе говорят, что человек себя жизни лишит – а ты только о своей шкуре!

Моя шкура и так уже пострадала, подумала Ирина, а вслух сказала тверже:

– Я ничего не знаю. Я ни при чем.

– При чем, – демон смотрел на нее сверху вниз, Ирина против воли уставилась в его желтые, злые, лютые глаза. – Потому что если она все-таки прыгнет с крыши – следующей прыгнешь ты.

– Я?!

– Не сомневайся, я тебе помогу.

Руки Ирины судорожно дернулись. Левая подхватила ручку и, задержавшись, начала писать прямо на клеенчатой кухонной столешнице: «В моей смерти прошу никого не винить...»

– Нет! – Ирина задержалась, пытаясь освободиться, но проклятая рука все писала и писала. – Я... пожалуйста! Я все сделаю!

– Тогда звони ей, – демон навис над ее головой. – Назначай встречу. Предлагай интервью. Обещай, что хочешь. В твоих интересах, чтобы она согласилась.

– Зачем? О чем мне с ней говорить?!

– Ты должна понять, что ведет ее к смерти. Ты должна это остановить. Или отправиться следом. Выбирай.

* * *

Катя Катасонова вышла погулять с собакой.

Утром Катя успела вывести Джину всего на пару минут, и теперь хотела вознаградить ее за терпение. Джина прыгала, обнималась, вертелась веретеном; Катя отвела ее подальше от подъезда, в скверик, где обычно гуляли собачники, и спустила с поводка.

Джину подарил ей папа, когда Кате исполнилось двадцать. Джина была похожа на лайку, но оказалась дворнягой по крайней мере наполовину; ну и что, сказала Катя, нам не для выставок.

Через полгода папы не стало; Катя сошла бы с ума от одиночества, если бы не Джина. Собака приносила ей счастье; она и познакомилась с Максом на бульваре, когда гуляла с собакой. Макс притормозил рядом и сделал вид, что у него неисправна машина.

Потом Макс пришел к ним жить. Джина приняла его, как родного. Какое-то время они были очень счастливы...

А потом все случилось. И теперь Макс жил отдельно.

Сосед вынес на прогулку своего йорка. Румпель, ручная собака, редко касался лапами земли. Сейчас на псе был яркий комбинезон, хотя погода стояла теплая.

– Он чихал сегодня, – сказал сосед, будто извиняясь. – А за углом ветер...

– Да, – согласилась Катя.

Она все время забывала, как зовут хозяина Румпеля.

Джина моталась по скверу, играя в догонялки с Ямахой, молодой терьершей. Катя села на скамейку, отвернулась от ветра и нащупала в кармане куртки телефон.

Ей не заплатили за статью о детском заикании и, наверное, уже не заплатят. Строчки, крохи, крохи, строчки; она так рассчитывала на заказ от Милы. Миле нужен был для ее глянца предметный очерк о современных ведьмах, и попытки Кати подсунуть других героев оказались тщетными. Казалось бы: зайти в Интернет, поищи полчаса и на основе живого материала придумай интервью с ведьмой; нет же: Катина добросовестность одолела здравый смысл.

Кроме ведьмы Ирины, Катя записалась еще и к целительнице Епраксии и знахарке Виолетте, но после того, что случилось во время первого же визита, идти на прием к следующим двум не было силы. Кроме того, ведьмы оказались ужасно дорогими – у Кати не было денег ни на приворот, ни на снятие венца безбрачия.

Она бледно улыбнулась, глядя, как радуется жизни Джина. Верит же кто-то всерьез в такие вещи!

Ведьма Ирина оказалась неприятно, нечеловечески пронизательной. Катя плевать хотела на всякую мистику, но при воспоминании о пронизывающем взгляде этой женщины ей всякий раз делалось нехорошо. И, что самое неприятное – Катя умудрилась оставить там фотографию. Сохранились, конечно, сканы, электронный вариант, все можно отпечатать заново – но сама мысль, что их с Максом счастливое фото подберет и выбросит кто-то равнодушный или недоброжелательный, была отвратительна Кате.

Статья о ведьмах, кажется, накрылась, и очень жаль; Катя машинально поздоровалась с соседкой, хозяйкой Ямахи. Крепче сжала телефон; если Макс перезвонит, как она много раз просила – это будет сейчас. В течение нескольких минут.

Плевать она хотела на женскую гордость. Люди не могут разойтись, не поговорив. Если надо упрашивать Макса – Катя будет его упрашивать; всего один разговор. Найти нужные слова. Нужные смыслы.

Давай, звони!

Джина вдруг сорвалась с места и кинулась бежать через сквер по направлению к дому. Катя вскочила, похолодев – там рядом улица, движение, транспорт... И в следующую секунду увидела Макса: тот вылезал из машины, припаркованной у обочины.

Задержался в кармане телефон, но Катя видела Макса – и тот никому не звонил. Он гладил Джину, которая прыгала к нему на грудь, как сумасшедшая; Катя нажала «отбой» и, слушая, как колотится сердце, зашагала навстречу любимому – до сих пор горько любимому! – мужчине.

* * *

– Она не берет трубку, – в отчаянии Ирина боялась смотреть на демона. – Что, если она... ну... не возьмет трубку? Отключит телефон?

– Очень плохо, – заметил демон. – Очень-очень плохо. Тогда ты умрешь, Ира.

* * *

Кате хотелось его обнять, и это было бы естественно, и она готова была его обнять – но в последний момент испугалась. Если она обнимет Макса, а тот не поднимет рук и останется стоять, чужой... Давая понять тем самым, насколько неуместны эти нежности... Тогда Катя не сможет сказать ему то, что давно собиралась.

Поэтому она остановилась в шаге от него, задержав дыхание, улыбаясь так, что трещали губы:

– Привет... Как здорово, что ты приехал! Поднимемся?

– Извини, я на минуту, – он не казался раздраженным, но и тепла в его голосе не было. – У меня совещание через час на другом конце города... Я просто подумал, что эти звонки затянулись, и нам надо нормально поговорить.

– Да, – сказала Катя.

Он слово в слово повторял то, что она сама ему говорила – но в его устах слова не давали надежды. Наоборот – слова были, как заранее запертая дверь.

Задержался в кармане телефон. Кто-то настойчиво пытался дозвониться; Катя снова дала отбой. Эх, стоило заранее отключить трубку.

Они присели на скамейку; Джина вертелась рядом. Святая собака была счастлива увидеть Макса, своего, родного, привычного; Джина думала, наверное, что он вернулся из командировки или затянувшегося отпуска.

– Я очень рада тебя видеть, – сказала Катя.

Макс слегка растянул губы:

– Ты похудела.

– Спасибо, – сказала Катя.

– Но тебе не надо дальше худеть. У тебя круги под глазами.

– Я просто устала, – сказала Катя и посмотрела на него снизу вверх:

– Макс... Дело в том, что... я была у ведьмы.

Слова вырвались сами собой. Катя даже сама испугалась. Но Макс, наперед знавший все возможные слова, удивился, вывалился из вежливой скорлупы:

– Где?!

– У ведьмы, – Катя улыбалась. – По делу. Я хотела писать очерк, для Милы, ну, ты знаешь...

– И что? – Макс нахмурился.

– И ведьма мне рассказала про всю нашу жизнь, – Катя вдруг захотелось приукрасить. – Все-все, как мы были счастливы, и как мы расстались, и что между нами стоит женщина, и что эта женщина... твоя мама...

Она почти сразу поняла, что ошиблась. Макс решил, что она врет; Макс решил, что, пытаясь вернуть его, Катя прибегла к пошлейшей бабьей уловке.

– Мне очень жаль, что ты разговариваешь об этом с посторонними, – сказал он очень холодно.

– Я не разговаривала, – Катя растерялась. – Она сама, понимаешь? Я никогда не верила ни в каких ведьм, но она...

– И ты меня вытащила, чтобы вот это все рассказать? – Макс сидел рядом на скамейке, далекий, как чужая галактика.

– Я тебя вытащила, – у Кати перехватило горло, – чтобы... Я тебя люблю. Давай... попробуем... еще? Сначала?

Джина гоняла по парку теперь уже с крохотным Румпелем, йорком в ярком комбинезончике. Тянулась длинная, длинная, длинная пауза.

– Катерина, – сказал Макс. – Мы не можем начать сначала. Фарш невозможно повернуть назад, как утверждает народная поговорка. Давай договоримся раз и навсегда: ты свободна, я свободен, мы друзья, в память о времени, когда...

Катя смотрела, как он говорит, как его губы смыкаются и размыкаются. В кармане куртки вибрировал телефон – теперь уже не переставая; жужжал, как огромная пойманная пчела.

Макс шел к машине, не оборачиваясь, не обращая внимания на Джину. Катя сидела на скамейке и изо всех сил помнила, что вокруг люди, и что надо держать себя в руках. Если рыдать – так дома, в обнимку с собакой, чтобы никто не видел...

Телефон затих на несколько секунд и снова начал дергаться, трястись, щекотать.

Она сунула руку в карман. Вытащила трубку. Хотела отключить, но промахнулась и нажала кнопку ответа.

– Катя! – трубка заорала в непонятном восторге. – Катенька! Наконец-то!

– Кто это? – Катя растерялась.

– Ведьма! – радовалась трубка. – Ирина! Вчера мы с вами встречались!

Катя вздрогнула:

– Откуда у вас номер моего...

– Высветился ваш номер! – голос ведьмы сделался медовым. – Катенька, если вам надо помочь – я помогу бесплатно. Хотите – верну мужа, а хотите...

* * *

Долю секунды Ирина слушала короткие гудки.

– Дура, – сказал демон с отвращением. – У тебя фотография! Которая ей дорога!

– Ага, – пробормотала Ирина.

Она нажала на повтор, заранее зная, что услышит: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны доступа...»

Но Катя – чудо! – снова взяла трубку.

– У меня ваша фотография! – закричала Ирина, и голос ее зазвенел, отражаясь от стен кухни. – Вы потеряли фотографию! Я подъеду, куда вы скажете, и верну!

– Не надо, – отрешенно отозвался в трубке Катин голос. – Уже не надо.

– Катя! – взмолилась Ирина. – Я могу помочь! Честное слово! Позволь мне помочь!

Последовала длинная пауза. Катя не нажимала отбой, и тишина тянулась, как последняя ниточка надежды.

* * *

Девушка сидела на автобусной остановке, сгорбившись, сунув руки в карманы куртки. У ее ног лежала собака на поводке – вроде лайки, с пушистым белым хвостом. Ирина увидела ее издали и суевливо велела таксисту держаться правее.

Демон молча ехал на заднем сидении. Таксист не видел его; стоило Ирине выбраться из машины на остановку – как демон оказался рядом, моментально и бесшумно.

Он существует в моем сознании, обреченно подумала Ирина. Только я его вижу, только я его слышу; я сама себя бью, и с крыши, если что, прыгну тоже сама...

Противный холод продрал между лопаток. Она откашлялась:

– Привет, Катя. Все будет хорошо. Мы все сделаем, даже не сомневайся!

Девушка ответила ей мрачным затуманенным взглядом. Ой блин, подумала Ирина. Что-то случилось... что-то новое.

– Чего вам надо? – глухо спросила девушка.

Ирина уселась рядом. Вытащила фото из сумки:

– Вот.

– Можете оставить себе, – девушка говорила размеренно и равнодушно.

Ирина посмотрела на собаку; та лежала на грязном асфальте, прижавшись к ногам Кати, и настороженно глядела на ведьму. Демон стоял рядом, заложив руки за спину; собака не обращала на него внимания.

Даже собаки его не видят, подумала Ирина, и плечи ее опустились.

– Так не пойдет, – сказала она, обращаясь в том числе и к себе, борясь с малодушием. – Хорошая собачка... Как зовут песика?

– Джина.

– У-у, хорошая... Хорошая собака, глаза умные... Так, солнце, начнем сначала. Ты хочешь вернуть мужчину. Ты этого хочешь, ты его вернешь...

Катя отодвинулась на скамейке.

– Не называй ее «солнце», «киса» или «зая», – вполголоса сказал демон. – Неужели трудно догадаться?

Ирина сжала зубы. Не глядя на демона, снова обратилась к девушке:

– Думаешь, мне в первый раз? Не таким помогала! Знаешь, сколько счастливых пар живут, в ус не дуют, потому что кое-кто ко мне вовремя пришел? Не знаешь...

Катя молчала, невидяще глядя перед собой.

– Итак: свекровь умерла, вы с мужем поругались, теперь тебе нужно...

– Мне от вас ничего не нужно, – сквозь зубы сказала Катя.

Ирина посмотрела на фото в своей руке. Подняла глаза:

– Тогда почему не уходишь?

Катя пожала плечами и поднялась. Тут же вскочила собака, завиляла хвостом; демон саркастически хмыкнул.

Ирина осталась сидеть.

Катя, намотав на руку поводок, подтянула собаку ближе к себе и зашагала к переходу через улицу; Ирина сидела, закусив губу.

– Дура, – сообщил демон.

Она едва удержалась, чтобы не велеть ему заткнуться.

Катя остановилась перед светофором. Красный, красный, мимо проползают стада машин, ревет и грохочет улица...

Зеленый.

Прохожие, сколько их было, зашагали по «зебре». Катя занесла ногу – и поставила обратно.

Оглянулась через плечо.

Повернулась и пошла обратно, к остановке.

– Поучи собаку хвостом вилять, – сказала Ирина со сдержанным торжеством.

Ей очень хотелось грязно нахамить демону. Но она боялась.

* * *

Ирина триста лет не бывала в МакДональдсе и не любила его, но выбирать не приходилось; заведение в этот час было относительно свободно. Стайка школьников галдела в противоположном углу, но даже их галдеж не раздражал – звучал жизнеутверждающе.

– Моя свекровь не умерла, – сказала Катя. – Она погибла.

– Как это случилось? – Ирина вертела в руках пластиковый стакан с колой. Демон стоял, сложив руки, у Кати за спиной, и его взгляд очень мешал Ирине.

– У нее был сердечный приступ за рулем, – Катя говорила нехотя, сама, кажется, удивленная своей откровенностью. – Она ехала с дачи, одна, на машине...

Девушка замолчала. Ирина подобралась, чувствуя за этим молчанием важное:

– Ну и?

– А перед этим мы с ней поссорились, – очень тихо сказала Катя. – На даче. Она уехала очень злая.

– Чувство вины, – мрачно сказал демон за ее спиной.

Ирина кивнула:

– Ты чувствуешь себя виноватой?

Катя отвела глаза.

– И муж тоже? Он тебя винит?

Катя пополам разорвала салфетку.

– Погоди-погоди, – Ирина прищурилась. – А откуда он узнал о вашей ссоре?

– Мы друг от друга никогда ничего не скрывали, – сказала Катя еще тише.

– Дура, – с тоской сказал демон. – Ну что за молодая идиотка...

– Ты мне мешаешь! – Ирина резко вскинула голову; Катя приняла реплику на свой счет, и лицо у нее вытянулось. В следующую секунду она поймала взгляд Ирины и обернулась через плечо.

По проходу между столами удалялась уборщица с тряпкой.

– Ходит тут со шваброй и мешает, – объяснила Ирина, красная и злая.

Катя опустила плечи, снова закрылась, ушла в себя, и было ясно, что каждое слово придется тянуть клещами.

– Судьба привела тебя ко мне, – сказала Ирина можно увереннее. – Ты думала, что идешь за интервью, за материалом для очерка. А это судьба. На, забери все-таки свою фотку. Она, может быть, тебе жизнь спасла...

Демон состроил гримасу. Не обращая на него внимания, Ирина протянула фото через стол; Катя, помедлив, взяла его.

– Натерпелась от свекрови, да? – вкрадчиво спросила Ирина в момент, когда Катины пальцы коснулись бумаги.

Девушка вскинула вмиг увлажнившиеся глаза:

– Она одна растила сына. Единственного. Макс очень добрый и очень любит... очень любил маму. Я не хотела его огорчать. Я молчала. Поехали на дачу, Макс надо было вернуться раньше, ему на работу... Она его отвезла и назад. Слово за слово... Я ей выложила все. И

она мне все выложила. Хлопнула дверью, завела машину... А через несколько часов позвонил Макс, что она... она...

Катя закрыла лицо салфеткой, плачи беззвучно запрыгали. Ирина глядела, как она плачет; ей много раз случалось видеть ревуших баб разного возраста, случалось и самой вызывать чужие слезы. Случалось использовать слезливых, запугивать и обнадеживать, и брать деньги за надежду; теперь она смотрела на Катю и не знала, что с ней делать.

– Я теперь дачу эту видеть не могу, – Катя говорила шепотом, сражаясь с рыданиями. – Мы там не бывали с тех пор, как... Да все равно уже, Максим... со мной... не хочет... Мать ему все говорила, какая я плохая, так и вышло... Мне надо в туалет...

По-прежнему прикрывая лицо, она скользнула в боковой коридорчик, чтобы в уборной, в замкнутом пространстве, наедине с собой беззвучно выплакаться. Ирина пожевала пластиковую соломинку; лед в стакане с колой растаял. Ирина глотнула раз, другой, поморщилась, поставила стакан на поднос.

– Сейчас полдень, а прыгнуть с крыши она должна в полночь, – сказал демон. – Тебе надо снять с нее чувство вины и помирить с мужем. На все про все – двенадцать часов.

Ирина слушала, обмякнув, будто сросшись с креслом, с полом, с МакДональдсом, сделавшись частью интерьера, молчаливой и безответной.

– Если ты справишься, ведьма, если в полночь она будет жива... Тогда можно будет тебя поздравить. Поработай ради этого, ладно?

– А почему бы не подсыпать ей в чай снотворное? – Ирина подняла голову. – Или запереть где-нибудь, чтобы она не могла прыгнуть с крыши в полночь?

Демона передернуло от отвращения:

– Шарлатанка ты. Липовая ведьма, простых вещей не знаешь.

– А конкретно? – Ирина стиснула зубы.

– Ей надо поменять судьбу, – очень серьезно сказал демон. – Это может сделать человек, самостоятельно приняв решение. Если ты запрешь ее, дура, будет только хуже. Она все равно найдет свою смерть, да еще других за собой потащит. Тебя – точно.

– Ясно, – Ирина сжала зубы еще крепче и поднялась.

– Ты куда? – демон нахмурился.

– В сортир! – она рывкнула так громко, что даже школьники за дальним столиком оглянулись. – Надеюсь, в женский туалет ты за мной не попруешься?

* * *

В туалете не было никого, кроме Кати; девушка еле слышно всхлипывала за закрытой дверью.

Соплячка, мямля. Мне бы твои проблемы, подумала Ирина, сжимая кулаки. Подумаешь, свекровь убилась. Ты ее ненавидела – туда ей и дорога! Подумаешь, муж ушел. Мужиков кругом – стаи, только помани. Женатые, холостые, разведенные, бедные, богатые, богатеющие... Молодые, старые. А ты, дурище, о Максе своем рыдаешь да о свекрови печалишься, и полезешь, скотина, на крышу, да и хрен бы с тобой... Но ведь и меня за собой потащишь? А меня за что?!

Она вошла в пустую кабинку. Заперлась. Еле удержалась, чтобы не зарычать, слушая Катини всхлипы, чтобы не прикрикнуть на нее; слабые пусть умирают. Пусть прыгают с крыш. А я сильная, мне хорошо, устроена жизнь, и нет проблем! Не было до вчерашнего дня...

Она вытащила телефон. Секунду колебалась. Потом, закусив губу, набрала сообщение Вике: «Все плохо вызывай в контору санитаров со смирительной я могу себя убить».

Опять задумалась на мгновение; нет, не бывает демонов в серых костюмах с галстуком. А если бывают, то... Ничего не жаль, весь мир летит вверх тормашками. Будем верить в острое психическое расстройство, но делать будем все, чтобы выжить. Абсолютно все.

Она написала еще одно сообщение, вдогонку: «Это не шутка! Викуль, выручай!»

Катя тихо высморкалась у себя в кабинке. Хороший знак: собралась выходить. Ирина для вида спустила воду, вышла к умывальникам – и встретилась с глазами с демоном.

В зеркале.

Там же, в зеркальных глубинах, открылась дверь, и вошли две незнакомые женщины. Беседуя, они прошли дальше, не обращая внимания на мужчину в женской уборной.

Ирина изобразила улыбку. Вытащила помаду и тщательно накрасила губы; если руки и дрожали, то чуть-чуть. Демон ничего не сказал – только смотрел с подозрением.

Она вернулась за столик раньше Кати. Демон следовал по пятам. Ирина уселась, ухмыльнулась, вольготно закинула ногу на ногу:

– Сейчас повезу ее к себе в контору, заговоры почитаю, отвлеку, успокою, то-се...

– Нет времени, – прошелестел демон.

– Мне лучше знать, – уверенно заявила Ирина. – Я ведьма, я их всех насквозь...

Ее рука, вдруг обретя собственную волю, схватила зубочистку на столе. Ирина не успела ей помешать, и, наверное, не смогла бы: ее правая рука с размаху ткнула зубочистку в мякоть левой – между большим и указательным пальцем. Ирина взвизгнула; все люди, сколько их было в зале, подпрыгнули на стульях и обернулись.

Она выдернула зубочистку. Проследила глазами за капелькой крови, скатившейся на запястье и дальше, под рукав.

– Не надо, – прошептала еле слышно. – Сделаю, как скажешь. Куда ее везти?

* * *

По тропинке, с двух сторон заросшей лопухами, они прошли от калитки к дому. Дача была из старых: маленький огород, где когда-то выращивали картошку, был в последние годы превращен в газон, а потом забыт и запущен вовсе. Трава росла здесь вперемешку с буйными сорняками, не заросшим осталось единственное место – бетонная опора для пляжного зонта.

– Зачем мы сюда приехали? – спросила Катя. В руке у нее позвякивала связка ключей.

– Зачем? – громко переспросила Ирина, обращаясь к демону, замыкавшему шествие.

– Здесь ключевое место их отношений, – отозвался демон. – Она должна все вспомнить, заново пережить и простить себя. Уяснить, что нет ее вины...

Рука, проколота зубочисткой, болела. Ирина поморщилась.

– Здесь они виделись в последний раз, – снова заговорил демон.

Ирина резко остановилась, раскинула руки, подняла лицо к белому пасмурному небу:

– Здесь! Здесь вы виделись в последний раз!

Катя помолчала секунду. Потом призналась:

– Да. И она... стояла как раз там, где вы сейчас стоите. Как вы узнали?

* * *

В доме было душно и пыльно. Окна затянуло паутиной. На полочке у входа стоял перекидной календарь, навсегда застрявший в августе прошлого года. На кухонном столе валялись старые газеты, пластиковые стаканчики, одиноко лежал в блюдце сухой пакетик испитого чая, ниточка с желтой этикеткой свешивалась, как хвост умершей мыши.

– Никогда это место не любила, – сказала Катя. – Я бы лучше в лес с палаткой, или на море. Но она говорила – на дачу, и мы ехали на дачу...

Как я здесь оказалась, тоскливо подумала Ирина, а вслух сказала:

– Ох, как тут много негативной энергии накопилось.

Демон бродил вокруг, чуть не натываясь на Катю, которая его не замечала. Он смотрел и, кажется, обнюхивал предметы, но ничего не касался руками. Наверное, он бесплотный, еще тоскливее подумала Ирина. Но щупать его, чтобы убедиться – пусть враги наши щупают.

– Выясни – свекровь болела? – сухо, голосом следователя начал демон. – Наблюдалась у кардиолога? Сколько ей было лет? Сколько времени прошло от ссоры до аварии? Когда наступила смерть? Делали ли вскрытие, и если да, то где?

– Слишком много вопросов, – пробормотала Ирина.

У нее в кармане зазвонил телефон. Демон насторожился; Ирина глянула на дисплей: высветился номер Вики.

– Кто это? – спросил демон.

– Вика, – ответила Ирина с подчеркнутым спокойствием. Подумала – и нажала отбой.

– Я ее отпустила на сегодня, – объяснила Кате, а на самом деле демону, чтобы окончательно избежать подозрений. – Потом перезвоню.

Демон прищурился. Неизвестно, что было у него на уме, но девушка заговорила снова:

– Теперь я не хочу на море. Если бы она была жива – я бы на даче сидела даже зимой!

– Работай, ведьма! – рявкнул демон. – Какие лекарства она принимала? Откуда известно, что аварию повлек сердечный приступ, что написано в свидетельстве о смерти?

– Если я не могу себе простить, что я ее довела, он мне и подавно не простит, – монотонно продолжала Катя.

– А ну тихо! – рявкнула Ирина на обоих, и оба, что удивительно, замолчали. Ведьма испытала мимолетное, но явственное удовлетворение.

– Да кто сказал, что ты ее довела? – заговорила мягче, обращаясь к Кате. – Не хнычь, сейчас все выясним...

Она заглянула в комнаты, но входить не стала. Вернулась на кухню, нашла в буфете рыжие чашки и картонную коробку с чайными пакетиками. Отыскала – чудо! – непечатую пластиковую бутылку с водой. Открыла кран на кухне, подождала, пока стечет ржавая вода, сполоснула электрочайник.

– Ты должна простить себя! – она говорила властно, уверенно, как на приеме. – Ты себя простишь – и он тебя простит!

Простая мысль вдруг заставила ее замереть с чайным пакетиком в руке:

– А ты, случайно, не беременная?

Катя вздрогнула:

– Нет.

– Жаль, – пробормотала Ирина. – Для дела можно было бы сказать ему, что ждешь ребенка.

Демон присвистнул с омерзением и одарил Ирину взглядом, которого она предпочла бы не видеть.

– Для какого дела? – сухо осведомилась Катя.

– Для нашего общего дела, – Ирине сделалось досадно. – Для его возвращения.

– Ложь никого не спасала, – сообщила Катя еще суше.

Ирина вздохнула; она много чего могла рассказать о целительных свойствах лжи, но боялась, что слушатели у нее неподходящие.

– Ну и как вы расстались со свекровью? Что ты ей последнее сказала?

Катя набрала в грудь воздуха:

– Сказала, что с меня хватит, я ее больше видеть не могу, что она жизнь ломает своему сыну и мне...

Голос ее оборвался. Глаза увлажнились снова.

– А она... она сказала, что я змея и безответственная стерва, и что она со мной в одном доме не останется... Что я смотрю на нее, будто смерти желаю!

Катя стиснула кулаки. С силой опустила на стол:

– Для чего я это говорю? Что это изменит? На что я надеюсь?!

– Сахар есть? – кротко спросила Ирина.

Она заново перетряхнула разошедшийся кухонный стол. В одном из ящиков нашла картонная коробка с нарисованным от руки крестом. Ирина откинула крышку: это была аптечка. Обычный набор огородника: бинт, пластырь, анальгин, зеленка, леденцы от ангины...

– А это чьи таблетки? – Ирина выудила из коробки белую пачку с яркой полосой.

– Свекрови, наверное, – не глядя, сказала Катя. – Она обычно принимала этот... как его... кардостатин.

– Кардофибрат, – прочитала Ирина на упаковке.

Демон оказался вдруг очень близко, у самого лица:

– Она поменяла лекарство?!

Дрогнувшей рукой Ирина открыла коробочку. Вытащила пластинку с таблетками – двух не доставало.

– Кардофибрат! – демон ликовал. – Две таблетки! От смены препарата могло случиться головокружение! Помрачение! Ссора ни при чем: она просто неудачно поменяла лекарство! И не вовремя села за руль! Скажи девчонке: она не виновата, все дело в том...

– Но в последний месяц она никаких лекарств не принимала, – сказала Катя, не слыша его. – Только валерьянку.

Ирина впервые увидела разочарование на лице демона. Не просто разочарование – тоску.

– А какая красивая версия, – сказал он тихо.

– Это точно? – Ирина строго взглянула на Катю. – Может, она съела эти две таблетки, а тебе не сказала?

– Она эту коробку вообще сто лет не открывала, – твердо ответила девушка. – Свои лекарства носила при себе.

Демон отошел в дальний конец кухни. Вид у него был подавленный. Наблюдая за ним краем глаза, Ирина первый раз задала себе вопрос: а ему-то что за дело до этой Кати? Он, вроде бы, не знал ее до вчерашнего дня, не знал ее имени, понятия не имел, кто такая?

Это не демон, сказала она себе, переведя глаза на клеенчатую скатерть. Это, скорее всего, моя душевная болезнь...

Но что за дело моей душевной болезни до этой дуры с ее свекровью, дачей, соплями, с ее собакой?!

– Ну вот, – снова начала Катя, – она уехала, я ушла к себе и дверь закрыла. Надела наушники... а тут, как на зло, в плеере сел аккумулятор. Я легла, закрыла глаза и слышала, как она уехала... Потом она вернулась, минут через пятнадцать... Загонять машину не стала, зашла, вышла и опять уехала.

– А зачем она возвращалась? – для порядка спросила Ирина.

Катя равнодушно пожала плечами:

– Забыла что-то. Мало ли.

Демон снова оживился:

– Что? Что она могла забыть?

Затрезвонил телефон у Ирины в кармане. Опять вызвала Вика; с невозмутимым лицом Ирина нажала отбой.

Ну сориентируйся, мысленно обращалась она к Вике. Ну пойми, что случилось. Ну помоги мне как-нибудь... Я не знаю как... Только не названивай мне, пожалуйста, или он все поймет, и я ненароком выколю себе глаз...

– Она врезалась в столб, – еле слышно сказала Вика. – Но врачи говорили, что сердце остановилось раньше...

Мы в тупике, подумала Ирина. Ну, знаю я, как погибла ее свекровь. Ну, знаю, что девочка себя винит... Что делать-то?

Она прикрыла глаза, спрашивая совета у вдохновения. Демон стоял у окна веранды, его длинная фигура явственно темнела против света...

– Вижу! – Ирина указала пальцем демону в грудь. – Вижу!

Демон, кажется, вздрогнул и попятился.

– Что? – испугалась Катя.

– Вижу ее призрак! – вдохновенно вещала Ирина. – Она здесь! Она пришла к тебе... Сейчас я с ней поговорю! Как ее имя-отчество?

Катя молчала целую секунду.

– Бросьте, – сказала наконец. – Вы же сами в это не верите. Нет там никакого призрака. Жаль, что она не могла видеть лица демона: тот поморщился с непередаваемым сарказмом.

* * *

Катино оцепенение наконец-то прервалось. Как сомнамбула, она позволяла манипулировать собой; потрясенная разговором с Максом, зачем-то далась на разговор с ведьмой. Теперь все стало ясно, как день, и в этом дневном свете некуда было прятаться.

– Спасибо, вы мне очень помогли.

Главное было – выкурить ведьму за порог. Тащить ее силой Катя не собиралась, да и не смогла бы. Но когда будет заперта входная дверь, ведьма должна остаться снаружи.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – фраза звучала то как издевательство, то как проклятие.

– Катя, подожди, – масляным голосом причитала ведьма.

– Все, хватит. Вы мне очень помогли, я счастлива, поехали отсюда.

Ведьма почему-то выглядела напуганной. Раньше Катя, в своем горестном оцепенении, не давала себе труда задуматься: почему ведьма так прицепилась к ней, чего хочет, ведь не денег же? У Кати нет денег, чтобы оплатить такие усилия. Катиного счастья? С чего бы это? И почему сейчас она так нервничает, явно чего-то боится, не Катиного же гнева?

– Сейчас поедем, – примирительно сказала ведьма. – Катя, одну минутку. Одну секунду, только...

Стоя на пороге, Катя утратила бдительность.

Продолжая сладко улыбаться, ведьма прыгнула к ней, схватила за локоть и сильно рванула на себя – в дом. Катя потеряла равновесие и чуть не упала, а ведьма цепким обезьяньим движением выхватила у нее ключи от дачи, два здоровенных стальных стержня на колечке.

Катя испугалась по-настоящему.

Ведьма была уже на пороге, с той стороны двери. Катя навалилась на дверь изнутри, пытаясь не позволить ее закрыть, но ведьма была массивнее и сильнее.

Никто не кричал. Катя онемела от ужаса и только сражалась, как в последний раз, за свою свободу. Ведьма сунула ключ в скважину и ошиблась: желтый ключ от верхнего замка, а белый от нижнего, но не наоборот. Пока ведьма второпях осваивала эту нехитрую науку, Катя отскочила вглубь дома, разбежалась – и всем телом грянулась о дверь.

И победила.

Затрещали петли. Заходил ходуном дверной косяк. Ведьма отшатнулась, оступилась и скатилась с деревянного порожка; Катя вырвалась на свободу, мокрая, трясущаяся, в ярости.

– Ведьма! – крикнула в лицо женщине, повалившейся на траву у порога. – Ведьма! Я в милицию позвоню! Я...

– Звони, – пробормотала ведьма, тяжело дыша. – В милицию, в Пентагон... куда хочешь.

* * *

Несколько секунд отделяло ее от простого решения: запереть девчонку на даче, не дать выйти до полуночи. Что бы там ни говорил демон. Запертый человек охотнее слушает, легче верит, с запертым проще договориться. Если бы удалось запереть Катю – проблема оказалась бы решена на девяносто процентов...

Но проклятые ключи перепутались, а девчонка оказалась сильнее, чем можно было представить.

Падая с порога, Ирина сильно стукнулась бедром. Теперь демон и Катя стояли над ней и орали, каждый свое; демон не обращал внимания на Катю, а Катя не слышала и не видела демона.

– Ведьма! – орала девчонка, непривычно агрессивная. – Я в милицию... я в милицию...

– Там записка! – орал демон. – На полу в прихожей! Возьми и прочитай!

– Совести у вас нет! Сумасшедшая! В психушку! Убирайтесь отсюда! Я охрану сейчас вызову!

– Там лист бумаги! Подними! Скорее!

Кряхтя и постанывая, Ирина поднялась на ноги. Катя отскочила, будто ее ветром сдуло, и, часто оглядываясь, отступила к калитке. Какая милиция, подумала Ирина. Где тут охрана? Единственная трезвая мысль во всем этом потоке: если связать меня и запихнуть в смирительную рубашку, я не смогу себя бить и калечить, я не полезу на крышу вслед за этой сумасшедшей...

Катя уходила. Оставив дом нараспашку, не подобрав упавшие ключи, она отступала к остановке автобуса, вдоль по улице, и голова ее виднелась уже над краем забора: Катя оглядывалась в поисках помощи. Ирина с усилием представила, как гонится за девчонкой, как хватает, скручивает... Как та вырывается и визжит...

– Ведьма, ты хочешь жить? Посмотри, что там за письмо!

Она решила на этот раз послушать демона. Морщась, взошла на крыльцо. Катя замерла на безопасном отдалении – на улице, у соседнего участка; Ирина заглянула в приоткрытую дверь.

Картонный перекидной календарь, стоявший на полочке у двери, шлепнулся от удара дверью, и август сменился декабрем. Из-под календаря – а откуда еще? – вылетел пожелтевший лист бумаги из блокнота в клеточку.

На бумажке было написано размашистым почерком: «Катерина, прости меня, что я на тебя наорала. Я тебя понимаю, пойми и ты меня: два дня давление скачет, башка трещит. Приеду домой – перезвоню. Е. Н.»

* * *

Вечером в уютном ресторане, в полумраке, при свечах похорошевшая, посвежевшая, счастливая Катя сидела лицом к лицу с Максимом.

Они держались за руки!

Ирина наблюдала за ними из дальнего угла. Лоб ее саднил, заклеенный свежим пластырем. Болела рука, проколота зубочисткой. Потемнели синяки на лице, и ныл еще один, свежий, на бедре.

Перед Ириной стоял бокал красного вина и лежали на блюде три ломтика сыра.

Кресло напротив пустовало – всем казалось, что странная женщина напивается в одиночестве. На самом деле напротив Ирины помещался демон в сером костюме. Если бы речь шла о человеке, можно было бы уверенно сказать: он в эйфории.

– Вот, оказывается, за чем возвращалась ее свекровь! Она записку оставила, извинилась! Мудрая женщина... Земля ей пухом... Девчонку, получается, от могилы спасла – уже после смерти...

Слушая его излияния, Ирина заказала еще один бокал вина. Сквозь легкий алкогольный флер демон казался забавным. Даже смешным.

– А что тебе за дело до этой Кати? – спросила она, жуя сыр. – Чего ты так за нее переживаешь? Она тебе родственница?

– Нет, – демон перестал улыбаться. Ирине не понравилась перемена в его лице, и она поспешила обратиться к новой теме:

– А ты с другими духами не общаешься? С демонами, с привидениями... нет?

Демон ошетинился:

– Не твоего ума дело!

Ирина сделала два больших глотка и пообещала себе молчать, пока можно.

Тем временем за дальним столиком разворачивалось действие. Сегодня, до визита в этот ресторан, отношения Максима и Кати на повышенной скорости проскочили несколько этапов; оба кричали, и оба плакали. Оба ходили в церковь и ставили свечи за упокой матери и свекрови – Евгении Николаевны. Оба измучились и наконец оттаяли: Максим гладил Катину руку, нежно гладил и целовал, и просил прощения, и каялся, что был эгоистом, дураком, слепым...

– Похоже, мужик только теперь сообразил, каким был идиотом, – сказал демон, будто отвечая на мысли Ирины.

Часы на стене показывали девять пятнадцать.

– Еще часок они посидят, – продолжал комментировать демон, – а потом поедут вместе домой. Мы их проводим. Проследим, чтобы все было в порядке.

– Свечку подержим, – не смолчала Ирина.

– Если надо, – сурово отозвался демон, – то и подержим, не беспокойся!

Официант поднес еще бокал на подносе. Ирина отхлебнула; у нее закрывались глаза.

– Зверь ты, – пробормотала она сонно. – Всю ночь меня мучил... Весь день гонял... Издевался... Ни жалости, ни сострадания...

– А у тебя, ведьма, было сострадание к обреченной девушке?

– А почему ее жалеть, а меня нет?

Демон мрачно ухмыльнулся.

– Я домой пойду, – пробормотала Ирина.

– Пойдешь, когда я разрешу.

– А закурить можно?

– Нет! Ты бросила курить, запомни!

Ирина допила третий бокал. Обессилено откинулась на спинку кресла:

– Кто ты такой, вообще? Как тебя зовут?

Демон молчал.

– Кто знает имя демона, тот имеет над ним власть, так? – Ирина была рада показать осведомленность.

– Меня зовут Олег, – вдруг сказал ее собеседник.

Ирина на секунду протрезвела:

– Демон Олег?!

– Для тебя Олег Васильевич, – отрезал сидящий напротив.

Ирина помолчала.

– Отпустил бы ты меня, Олег, – сказала наконец. – Что я тебе сделала?

Демон глядел мимо нее – на Катю и Максима за дальним столиком. Ирина повернула голову; Катя поднялась, что-то сказала мужу, взяла сумочку с кресла, направилась в сторону уборной...

Максим взял свой телефон, лежащий на краю стола.

Ирина повернула голову. Снова посмотрела на демона: в глаза. Весь этот день она избегала его взгляда, и немудрено; теперь то ли алкоголь, то ли сделанное дело придали ей смелости.

Глаза у демона Олега были жуткие: желтые. С вертикальными зрачками.

– За любовь, – Ирина подняла бокал с остатками вина на дне. – Ты пить не можешь? Ты не ешь, не спишь, так?

Демон молчал.

– Расскажи мне о себе? – не чувствуя отпора, Ирина наглела. – Раз уже ты в меня вселился, а не в кого-то другого... Мы почти родственники, так?

Демон молчал, но глаз не отводил.

– Ты был человеком? Откуда ты явился? Расскажи, мне же интересно...

Демон приподнял уголки губ.

– Хорошо, – Ирина вздохнула. – А почему ты вселился в меня? Разве я что-то могу? Почему не в министра какого-нибудь, не в миллионера... Почему ты не вселился прямо в Катю, если тебе так приспичило ее спасти?

Демон откинулся на спинку кресла. Наконец-то опустил глаза:

– А ты сама как думаешь?

– Никак, – призналась Ирина. – Я не имею понятия, чего ты ко мне привязался.

– Ты ведьма.

– Да какая я ведьма, – Ирина вздохнула. – Я шарлатанка самая настоящая, кручу-верчу, обмануть хочу...

– А кем ты мечтала стать в детстве? – вдруг спросил демон. – Ведьмой?

– Врачом, – призналась Ирина.

– Зачем?

Ирина задумалась.

– Низачем. Просто так.

– Помогать людям?

– Ну что ты за... – Ирина осеклась. – Какое там – «помогать людям»? Мне бы кто помог! Я всю жизнь одна-одинешенька, ни деньгами поддержать некому, ни блатом, ни слово доброе сказать... Отец алкоголик, мать пьянчуга! Ну, поступила я в медучилище, ну, покрутилась в поликлинике сестрой... Знаешь, какие там зарплаты? Кому я с такой зарплатой помогу?!

* * *

Катя поправила макияж перед зеркалом. Улыбнулась; счастливое лицо, бледное под тональным кремом, с заплаканными глазами, заплаканными и веселыми... Как много может случиться в один день. Крах и возрождение. Конец и начало.

Она подмигнула своему отражению. Сейчас она вместе поедут домой. Их встретит Джина.

Она засмеялась.

Из уборной было два выхода; продлевая счастье, Катя прошла по маленькой крытой оранжерее. Постояла у аквариума с большими красными рыбами. Потихоньку вернулась в зал.

Тихонько играла музыка. Макс сидел вполоборота, лицом к выходу из уборной, куда ушла Катя; не видя ее, он разговаривал по телефону. Сквозь тихий шум и нежную музыку до Кати долетела сперва интонация: мурлыканье. Мягкий рокот. Мед и сливки, шелк и бархат, голос влюбленного мужчины.

А потом она услышала слова.

– Солнышко, – говорил кому-то Макс. – Сегодня никак, я занят. А завтра обязательно. Люблю, люблю, моя лебедушка. Спокойной ночи, и до завтра.

* * *

– ...Ты знаешь, что такое работа в этой поликлинике? За гроши? Ну и послала я все подальше, пошла, где денежно... То есть я думала, что там денежно... как я пришла, та фирма накрылась... Ой, да зачем я это все рассказываю? Оно тебе надо? Ты о Кате, вон, беспокоишься, она из продвинутых, и чувства у нее продвинутые: любовь там, благородное чувство вины... А мне не положено!

Ирина оглянулась.

Макс сидел, положив на край стола телефон, и в позе его было нетерпение. Макс смотрел на вход в уборную; оттуда вышла одна дама, затем другая, но Кати не было.

– Где она? – настороженно спросил демон.

Максим поглядел на часы.

Ирина поднялась, на ходу трезвея:

– Счет, пожалуйста.

Печатая шаг, она вошла в женский туалет. Неделкатно окинула взглядом девушку у зеркала и пожилую даму с салфеткой в руках, заглянула в пустые кабинки.

Прошла уборщица – вошла в одну дверь, вышла из другой. Ирина, как ищейка, вышла в крытую оранжерею, тупо оглядела рыб в аквариуме, обернулась к гардеробу...

И успела увидеть в проеме закрывающейся двери знакомую фигурку.

* * *

В центре города всегда праздник. Катя шагала в толпе, среди огней реклам, среди фонарей и фар, среди цветочных киосков, среди витрин и туристов, по городу, где даже в полночь не видно звезд от вездесущего света. Катя любила свет. И сейчас, на свету, ей было хорошо и спокойно.

Она, как змея, сбросила одну за другой несколько шкур. Как кошка, прожила несколько жизней; и вина, и любовь – все закончилось в один день, и наступила свобода. Покой. Сила. Свобода.

На ходу она набрала телефон редактора Милы – и попала удачно.

– Катюха! – весело закричала Мила. – Приняли твой старый очерк, про заикание у детей, и хорошо заплатят, правда, уже в следующем месяце!

– Только не позже, – твердо сказала Катя. – И подкинь мне еще заказов, пожалуйста, любых заказов: я с мужем развожусь окончательно.

Мила поразились:

– Да ну? Слушай, уважуха, респект, давно пора. Подъедешь завтра в редакцию?

– Ага, спасибо!

Она дождалась зеленого света. Пересекла магистраль. Замедлила шаги, набрала номер Макса; он, против обыкновения, отозвался сразу:

– Кать, ты где?!

– Извини, позвонили по строчному делу, – сказала она, очень довольная своим спокойствием. – Пришлось уйти. Я хочу сказать, нам надо получить официально свидетельство о разводе, чтобы не было ни проблем, ни вопросов.

Тишина в трубке была красноречивее любого вопля.

– Извини, это все, – сказала Катя. – Я там за себя расплатилась... спокойной ночи.

Она прервала связь, и тут же пришел звонок от ведьмы. Катя, поморщившись, снова нажала отбой.

* * *

Девчонка могла взять машину. Могла пойти куда угодно; вокруг топтали мостовую тысячи покрышек, и тысячи ног топтали тротуар.

Демон был тут же, за плечом. Молчаливый.

Ирина снова набрала ее номер. Ответа не было. И не будет.

– Скотина! – закричала она в голос. – Скотина этот Макс... Ну что за сволочи мужики, ну что за гады, она тебя любит, подонок... Так нет же... и ту ему надо, и эту... Кобели, кобели бессовестные!

От нее шарахались, как от кликуши. Вокруг упирались в небо высотные здания: уж на какую-нибудь крышу самоубийца отыщет ход...

– Что теперь делать?!

Демон молчал. Ирина снова и снова повторяла звонок; никто не брал трубку.

* * *

Слушая, как дергается в кармане телефон, Катя остановилась перед витриной. Сувениры и сладости; Катя прошлась по залу, выбрала шоколадный торт, ароматическую свечу с запахом меда и напоследок – огромную розу.

– Вы в гости? – спросила приветливая кассирша.

Катя улыбнулась ей:

– Нет, это я себе.

– Вот правильно! – кассирша даже выпрямила спину. – На здоровье!

Ей с улыбками упаковали торт и свечу. Катя вышла из магазина, прижимая к груди ароматное и нежное, осторожно сжимая стебель с подрезанными шипами. На часах была половина одиннадцатого; Катя решила, что лучше проехать несколько остановок на метро, чем...

Рядом хлопнула дверца машины. Здоровенный детина ломанулся ко входу в магазин, как ядро из пушки, и Катя оказалась на пути этого ядра. Круглое твердое плечо отшвырнуло ее в сторону, сверток выпал из рук, пластик лопнул.

– Чего растопырилась на дороге, сучка? – на ходу бросил детина и скрылся за дверью.

Катя осталась стоять. Механически подняла сверток...

И уронила снова.

Сверху уронила розу.

Ее судьба догнала ее в этот момент – догнала и накрыла непроглядной чернотой.

* * *

– Вы не видели здесь девушку в красной курточке? Вы не видели здесь... Сам такой. Погоди... Дама, дама! Вы не видели здесь девушку в красной... Черт!

Ирина остановилась посреди улицы. Прямо перед ней была витрина дорогого супермаркета – сувениры и сладости; у крыльца лежала оброненная кем-то большая роза.

Она вошла в магазин. Слепо огляделась, никого не нашла, заслужила подозрительный взгляд охранника.

Вышла.

Стрелки всех городских часов подползали к одиннадцати.

Катин телефон не отвечал.

* * *

Машина-фургон с логотипом на борту остановилась у подъезда многоэтажки. Встрепанный мужчина в клетчатой рубашке тут же стал носиться туда-сюда, довольный и возмущенный одновременно:

– Почему так поздно! Уже одиннадцать часов! Я вас ждал весь день!

– Ну, извините, – примирительно сказал рабочий. – Это не наша вина, нам поздно позвонили, поздно привезли...

– Это безобразие! Я не буду ждать до завтра!

– А не надо ждать, сейчас установим, чего там... Ключи от крыши есть?

Катя остановилась, глядя, как рабочие выгружают из фургона спутниковую тарелку в упаковке. Нет, она ни о чем не думала. Она просто смотрела; привычно вибрировал в кармане телефон.

– Есть, есть ключи от чердака!

– Давайте быстренько... Взяли, пошли!

Катя подняла глаза к небу. Высоко над ней вырисовывался на фоне сиреневого марева темный край крыши.

* * *

– Что теперь делать? – Ирина стояла, глядя на свой телефон. На шкале аккумулятора осталось последнее деление: еще немного, и трубка разрядится.

– Молиться, – сказал демон, и от звука его голоса у Ирины волосы поднялись дыбом. – Отходную читать. Я тебе еще утром сказал, что она покончит с собой! Я тебя заранее предупредил, дрянь! Что ты сделала, чтобы ее удержать?!

Под его напором Ирина оцетинилась – из последних сил:

– Что я сделала?! Да я весь день только и делала! Я только что не на руках ее носила! Она маленькая, что ли? Если греха не боится, и никого ей не жалко, так пусть и прыгает!

Демон шагнул вперед – и вдруг навис над Ириной, безжалостный и страшный:

– А тебе кого-то жалко? Что ты знаешь о жизни и смерти, плесень? Что ты знаешь о самоубийцах? Когда ничего не привязывает к жизни, только боль, только и ждешь, чтобы это скорее закончилось?!

Ирина оступилась. Попятилась. Прижалась спиной к фонарному столбу; люди вокруг принимали ее за сумасшедшую.

– Ничто не привязывает, – пробормотала Ирина.

И вдруг с силой ударила себя по израненному лбу; демон тут был ни при чем.

* * *

Катя нерешительно поднялась на чужой чердак. Здесь было относительно чисто и просторно, пахло пылью и влагой, пахло ветром большого города. Рабочие делали свое дело, торопились, подсвечивая фонарями, и если и покосились на Катю, то сразу же о ней забыли.

Она выглядела, как приличная девушка. Как спокойная, уверенная в себе, обеспеченная, нормальная девушка, которой захотелось посмотреть, как справляются рабочие на крыше, и правильно ли установлена тарелка...

Она отошла в тень. На крыше было таинственно, как в детстве, лесом стояли антенны, большие и малые. Рабочие торопились, матерились, водили лучами фонарей; Катя отошла, скрылась за кирпичной башенкой, растворилась – как будто никогда ее здесь и не было.

* * *

Пытаясь остановить машину, Ирина выскочила далеко на проезжую часть. Кто-то обругал ее, опустив стекло. Кто-то взвизгнул тормозами...

Наконец, остановились потрепанные «Жигули».

На часах у водителя была половина двенадцатого.

* * *

Катя никогда не боялась высоты. Сейчас это пришлось как нельзя кстати.

Она стояла почти на самом краю, любуясь городом. Любуясь острыми огнями, далекими и близкими. Цветными и белыми. Все происходило само собой; так и нужно. Так легко; сбросить боль, как ношу. Выключиться, как испорченный прибор. Ничего нет, ничего нет, пустота...

* * *

Ирина бежала через двор, задыхаясь, кашляя, держась за сердце.

* * *

Вдруг защемило, задергался телефон. Она забыла о нем. После длинной бесполезной атаки он затих, а теперь снова вибрировал в кармане куртки, надсадно, как второе сердце. И в пустоте, в безвременье и безмыслии, поглотившем Катю, это движение – и этот звук – показались вдруг важными.

Отсрочка? Минута, две?

Она вытащила телефон; не глядя, кто звонит, нажала кнопку:

– Аллю.

И вдруг услышала.

* * *

Она сидела на каменном полу, привалившись плечом к двери. Прижав к этой двери телефонную трубку.

А собака, услышав свое имя, – забытая собака, которую сегодня вечером не выводили, – скулила и царапала дверь изнутри когтями, лаяла, визжала и звала.

– Джина, – хрипло повторяла ведьма. – Джина...

* * *

– Джина, – прошептала Катя в трубку.

Вряд ли собака ее слышала – скорее, почувствовала, и зашлась новым лаем, заскулила, завывала.

Телефон вырвался из Катиной руки и улетел вниз, в пустоту. Кате казалось, что она смотрит на него долгие минуты – как он падает со страшной высоты, как свистит ветер, как приближается черная земля...

Телефон упал на асфальт.

По всему городу пробило полночь. Запищали электронные часы, застучали башенные, электронные слились в серию полей.

Точка отсчета.

* * *

Еще через час Катя сидела в ночном дворе, на скамейке, сжимая в руках поводок, а Джина сидела рядом, не решаясь отойти ни на шаг.

– Прости меня, – шептала Катя, зарывшись пальцами в густую влажную шерсть.

И поднимая лицо к небу, повторяла:

– Прости меня...

В доме горели всего пять или шесть окон. Спустился сосед, хозяин Румпеля; поставил йорка на землю рядом с Джиной. Маленький пес удивился.

– Можно? – спросил сосед.

Катя кивнула. Он сел рядом с ней, плечом к плечу; между их локтями было несколько сантиметров.

– Вы сегодня очень поздно, – сказал сосед. – Я подумал... Лучше бы вам тут одной не сидеть.

Катя быстро на него посмотрела. На его серьезное, открытое, внимательное лицо; она так и не знала до сих пор имени этого человека.

– Я не одна, – сказала она и заплакала.

* * *

По дороге в офис Ирина разжилась пиццей с грибами и бутылкой коньяка. Лекарства помогли: когда от пиццы осталось несколько кусочков теста по краям, а бутылка опустела почти наполовину, ведьма снова почувствовала себя человеком.

– Ни слова доброго, – она огляделась. – Ни тебе «спасибо», ни «молодец»... Это же моя была идея! Моя! Гениальная! Похвалил бы хоть!

Никто не ответил. Демона Олега не было в поле зрения.

Пьяно ухмыляясь, Ирина достала пудреницу. Мельком поморщилась при виде своей физиономии; приблизив зеркальце к глазам, оглядела отражение кухни:

– Эй?

Но демон не отражался и в зеркале.

Ирина прошла в приемную. Потрогала череп. Шире открыла форточку; демона не было.

– Эй-эй?

Наученная горьким опытом, она не спешила радоваться. Вернулась на кухню, заглянула под стол и обнаружила у стенки пачку сигарет, которую пинком загнала туда еще утром.

– Ага!

Помогая себе ручкой швабры, Ирина вытащила пачку. Ногтями под черным облупившимся лаком подцепила сигарету, зажала в зубах. Щелкнула зажигалкой. С наслаждением закурила...

Ничего не случилось. Ни пинка, ни окрика.

– Слава тебе, Господи, – сказала она от всей души и, переложив сигарету в левую руку, широко перекрестилась. – Ушел, гад. Нет его! Слава Богу...

Хохоча, захлебываясь, она сделала несколько кругов по кухне. Она раздавила сигарету в пепельнице; она прыгала, воздев руки к потолку, и бормотала невнятно:

– Теперь все... теперь все... теперь ушел... вот так... свобода...

Задребезжал дверной звонок.

Демоны не звонят; понятия не имея, кто бы это мог быть, но заранее готовая обнять и расцеловать гостя, Ирина распахнула дверь.

Два медика в синем ворвались, как ниндзя, и моментально – не успела Ирина оглянуться – натянули на нее смирительную рубашку. Вслед за санитарями вошла бледная, осунувшаяся Вика:

– Все хорошо, Ир. Спокойно. Все будет хорошо...

– Эй-эй-эй! – завопила возмущенная Ирина. – Отбой тревоги! Со мной уже все нормально, уже все, здоровая!

Старший из людей в синем, пройдя на середину кухни, огляделся. Поглядел на полбутылки коньяка, покачал головой; его взгляд остановился на кривой надписи поперек столешницы: «В моей смерти прошу никого не винить»...

– Господи, – простонала Вика. – Этого-то я и боялась!

– Белая горячка, – сказал старший медик. – В машину!

Ирина рассмеялась.

Так, смеющуюся, ее осторожно свели по лестнице и упаковали в карету «Скорой помощи».

* * *

Два человека сидели рядом на скамейке во дворе, и рядом коротали ночь две собаки. Начинался рассвет.

История вторая Игра в наперстки

– По-хорошему, надо бы мне в отпуск...

Пока спускались по ступенькам больницы, Вика все пыталась поддержать Ирину под локоть. Неужели я так ужасно выгляжу, думала ведьма. Неужели я похожа на человека, не способного одолеть трех ступенек?

Едва отойдя от порога, она высвободила руку:

– Сигареты принесла?

Вика протянула ей пачку «Винстона» и зажигалку. Ирина затянулась; сверху, из окон, взятых фигурной решеткой, на нее глядели с завистью.

– Клиентки звонили, – сообщила Вика, явно желая ободрить. – Одна плакала, благодарила – к ней мужик ее вернулся. Другая хочет еще раз прийти – не соблюдала она твоих предписаний, пост не держала, поэтому работу так и не нашла до сих пор.

– Ага, – тускло отозвалась Ирина.

– На сайт пишут, новые звонят каждый день... Отпуск, конечно, оно хорошо. Но аренду за офис никто не отменял.

Капитализм, мрачно подумала Ирина. Потогонная система, как в девятнадцатом веке. Ни тебе оплаченного больничного, ни тебе соцпакета, ни тебе профсоюзной путевки в санаторий. Работай, работай, как раб на галерах. А то клиентура разбежится, аренда сожрет всю прибыль, а у Вики, между прочим, дочка шестнадцати лет, ей в будущем году в институт поступать...

Тут же, в мыслях, она раздраженно оборвала себя: а почему я должна думать о Викиной дочке? Что, своих проблем мало? У меня задница исколота, полная сумка таблеток, да еще и диагноз под вопросом. Вот заперли бы меня в психбольнице месячишки на три, что бы Вика запела? Хорошо, что согласие на лечение я не подписала, а тот факт, что я опасна для себя и окружающих, в состоянии ремиссии выявить не удалось. А расскажи я честно, что и как со мной было – применили бы, не задумываясь, статью двадцать девять о принудительном лечении, и сидела бы я в палате, и от скуки снимала венец безбрачия товаркам по несчастью...

Хорошо, что я придержала язык и не рассказала правду о демоне. Не призналась, кто мне лоб о зеркало расколотил, кто синяк под глазом поставил. Впрочем, синяк уже почти сошел...

– Ира, – Вика с беспокойством заглянула ей в лицо. – Ты как, вообще?

– Нормально.

– Ты извини, если что. Я напугалась за тебя. Ведь как было? Припадок, потом лицо разбито, неадекватное поведение, потом смс-ки твои...

– Ты все правильно сделала, – вынужденно согласилась Ирина.

– А теперь ты... здорова?

– Надеюсь, – Ирина нащупала на дне сумки, под шлепанцами в пакете, перемотанный скотчем бумажный сверток с таблетками. Одна из первых версий врача была – симуляция наркоманки в надежде получить свои колеса... Ошибся доктор. Никакой радости мне эти таблетки не доставляют. Или их с водкой надо?

Одна надежда – если, не приведи Господи, снова появится этот... демон по имени Олег, – таблетки изгонят его покруче любого экзорцизма.

– Ладно, – она бросила сигарету мимо урны. – Поехали.

* * *

По-хорошему, ведьме надо было не в отпуск, а на пенсию.

За три долгих ночи, проведенных в клинике, она успела много о чем передумать. И, как бывает в сложных ситуациях, каждую минуту внутри раскачивался огромный маятник. Направо – и она верила, что с ней приключился нервный срыв, обострение неведь откуда взявшейся шизофрении, отягощенное бредом. Налево – и она точно знала, что к ней явился натуральный демон, потустороннее существо, зачем-то озабоченное спасением самоубийцы Кати.

Демон преуспел, Катя спасена руками Ирины, зато спасительница оказалась в психбольнице. Справедливости ради – сама виновата; не пытайся ведьма так отчаянно избавиться от демона, не пришлось бы щеголять в смиренной рубашке.

А если бы Катю, совершенно чужую девушку, спасти не удалось?

Едва задремав, Ирина просыпалась на жесткой койке от страшного сна – она стоит на крыше, и ноги сами по себе делают шаг в пустоту. Разве есть сомнения, что демон не пощадил бы ведьму?

А скольких он уже не пощадил?!

Почему именно я, спрашивала себя Ирина, и всякий раз приходила к неутешительному выводу: потому что я ведьма. Я стою над преисподней, уверенная, что это пустая бульдозерная яма, и притворяюсь за деньги, что говорю с духами. И вдруг из ямы вылезает... не хочу знать, кто. Он вылезает, потому что я говорю с духами, в которых не верю, но он вылезает...

Оставшись, наконец, одна, Ирина долго прибирала в квартире: собирала, выгребала отовсюду листы, клочки, обрывки бумаги, на которых карандашом и шариковой ручкой было написано одно и то же: «Ира ты попала». Она собирала их, стараясь не смотреть, скосив глаза, задержав дыхание; увязала все в два больших полиэтиленовых пакета и вынесла, шатаясь, на свалку.

Соседка поглядела сочувственно. За время, проведенное в больнице, Ирина похудела так, что одежда висела на ней мешком. Это для клиентов хорошо: в их глазах тощая ведьма предпочтительнее сытой.

Но какие клиенты? Не я ли клялась завязать?!

* * *

В офисе ничего не изменилось. Разве что с кухонного стола исчезла клеенчатая скатерть с надписью «В моей смерти прошу никого не винить», а на ее месте появились пластиковые салфетки с видами Голландии: мельницы, пастушки, коровы.

– Гляди, – Вика включила ноутбук, открыла для Ирины таблицу. – Вот этой, этой и той я обещала перезвонить сегодня в двенадцать... Вот сейчас и буду перезванивать. Им надо срочно. Платить готовы. Им тебя рекомендовали, понимаешь, как настоящую ведьму.

– Кто рекомендовал?

– Прежние клиентки.

– Знай наших, – Ирина тяжело опустилась на стул.

– Ира, – Вика уселась напротив. – Я же говорила с твоим врачом. Он говорит – нет у тебя шизофрении, ему, мол, весь его опыт подсказывает, что нет. Он вообще был уверен, что ты симулянтка, только непонятно зачем симулируешь.

– По-хорошему, – Ирина наконец-то решилась произнести вслух то, что не давало ей покоя, – по-хорошему, Викуль, надо бы мне оставить практику. Как-то это все... звончек.

Вика помолчала.

– А жить на что? – спросила наконец.

– Ну, – Ирина подумала. – Что ты, работы не найдешь?

– Найду, – Вика помрачнела. – Хотя... А ты на что будешь жить?

– А тебе что за дело за меня? – Ирина вытащила из пачки новую сигарету. – Все как с ума сошли: думают и думают, понимаешь, о других, спасают их, опекают...

– Я тебя не опекаю, – Вика оскорблено подобрала губы. – В конце концов, это твое решение.

Ирина курила, глядя в потолок.

– Я тебе что-то должна? – спросила наконец. – По деньгам?

Вика переменялась в лице. Тонкие губы и вовсе пропали, втянулись под кожу; она вытащила бумажный блокнот (особо важные расчеты Вика компьютерам не доверяла), похлопала палец, перевернула несколько страниц; предъявила Ирине.

Ирина так же молча вытащила бумажник. Отсчитала деньги. В кошельке после этого почти ничего не осталось.

– Спасибо, – белая и строгая, как статуя, Вика спрятала деньги и положила на стол ключи от офиса. – Оплаченные счета за электричество в нижнем ящике стола. Что-то еще?

Ирина ожесточенно затянулась.

– Спасибо, – с горьким сарказмом повторила Вика.

И направилась к двери. Шла очень долго, как по взлетной полосе – хотя в тесной квартире от кухни до выхода было метра три, не больше.

– Погоди!

Вика с готовностью остановилась, но оборачиваться не стала.

Ирина отложила сигарету:

– Ты, это... Шизофрению у меня нет, но нервы не в порядке. Давай попробуем... Потихоньку. Посмотрим, может, я еще на что-то схожусь?

* * *

– Как листва на дереве, как золото в хрустале, так приумножатся деньги рабы Божьей Анны!

Горела свечка, масляно дышали благовония. Как ни в чем не бывало, скалился бывалый череп на столе, покрытом церковной парчой. В хрустальной вазе, звеня, каталась старинная желтая монетка.

– Как звезды на небе, как золото в отражении, так приумножатся деньги рабы Божьей Анны!

Монета легла на круглое зеркальце.

– Как сильная река притягивает ручейки, а море – сильные реки, как женщина притягивает мужчину, а мужчина – женщину, как ночь притягивает день, а день – ночь, так бы и ты, денежка, притягивала рубли и евро, доллары и фунты, да прибудет к тебе, и да будет так всегда!

В пальцах с обновленным маникюром появился зеленый кошелек с изображением Бенджамина Франклина.

– Деньги текут золотой рекой и навсегда остаются с тобой... Здесь, в кармашек, кладу тебе амулет твой. Всегда носи с собой. Руками не касайся. Никому не отдавай ни в коем случае, с ним и денежки твои уйдут!

Клиентка – высокая плечистая дама, в прошлом, похоже, спортсменка – энергично закивала.

– Уходить будешь – на порог положи двести баксов. А как положишь – скажи: «Сколько кладу, тысячу раз по столько пусть вернется мне». И да будет так!

Глаза у клиентки сделались совершенно стеклянные.

Призывать на этот раз духа Ирина не рискнула и через минуту отправила клиентку навстречу несметным богатствам; та оставила на пороге пять тысяч рублей мелкими купюрами – по-видимому, все, что у нее было.

– А хорошо, – сдержанно похвалила Вика. – Ир, ну ты сама должна почувствовать – пруха идет. Разве нет?

– Да вроде пруха, – Ирина повертела в руках зажигалку, хотела снова закурить, но почувствовала вдруг отвращение к сигаретам. – Видит Бог – они сами этого хотят, я им делаю лучше, по-честному помогаю!

Она вопросительно огляделась, будто ожидая, что Тот, к кому она обращается, подслушивает под окном и одобрительно кивнет в ответ. Но знамения не было; Ирина с облегчением перевела дух:

– Знаешь... Там конфетки шоколадные значены, и где-то еще был коньяк. Отпразднуем, елки-палки, возвращение в профессию!

Прозвенел дверной звонок.

На пороге стоял мужчина.

* * *

Она не то чтобы не любила работать с мужчинами – в какой-то степени с ними было проще. Но те, что встречались Ирине в ее практике, были, как правило, истериками, и оттого их реакции, случалось, ставили ее в тупик.

Этот новый не был ни истериком, ни подкаблучником. Длинноволосый, но с твердым подбородком; плечистый, но не культурист. Было ему лет тридцать, и Ирина поймала себя на внезапном бабском интересе, не имеющем отношения к делу.

– Вижу, беда у тебя большая, – сказала она сразу же, как мужчина уселся; таким, как он, трудно первым начать жаловаться.

– Неприятность, – подтвердил он сквозь зубы.

– Женщина, – обозначила Ирина самое первое, самое широкое поле догадок – и не промахнулась. Ноздри клиента раздулись, глаза сказали «да».

– Любовный интерес...

Нет.

– Предательство!

Точно. Первая серия разговора с клиентом была у ведьмы самой любимой – игра в «Морской бой» на живом человеке.

– Она тебя предала...

Но не просто оставила. Нет однозначной реакции.

– Но ты ее до сих пор... любишь?

– Ненавижу, – сказал мужчина сквозь зубы.

– От любви до ненависти, – Ирина проницательно улыбнулась. – Ну, говори, как вы расстались?

– Я фотограф, – он посмотрел на череп. – Делаю на заказ фотосессии... портфолио... Эротика. Некоторые удачные фото оставляю себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.